

Корабль

прибывает

утром

Полина Сулягина

Трое с Маяка

Полина Сулягина

Корабль прибывает утром

«Автор»

2026

Сутягина П.

Корабль прибывает утром / П. Сутягина — «Автор»,
2026 — (Трое с Маяка)

После снежной и полной приключений зимы в Городок-вниз-по-холму приходит весна, а вместе с ней – долгожданные новости для Томми, о которых ему только предстоит рассказать друзьям. Среди пробуждающейся природы ребята чувствуют, что скоро ветра переменятся и позовут их во взрослую жизнь, но пока они прилаживают парус к самодельной лодке и выходят в море у маяка, готовят весенний праздник и изучают открывающийся им мир. Это четвертая книга серии «Трое с Маяка».

© Сутягина П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Весна приходит на Маяк	5
Глава 1. Вылупляющиеся бабочки	5
Глава 2. Неразлучная четверка	13
Глава 3. Есть ли градация мечтаний?	22
Глава 4. Весенняя уборка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полина Сутягина

Корабль прибывает утром

Часть первая. Весна приходит на Маяк

Глава 1. Вылупляющиеся бабочки

В Городок-вниз-по-холму пришла долгожданная весна. Еще до начала таянья снега она забрезжила в воздухе неуловимым легким и почти опьяняющим ощущением. Никто не мог понять, откуда оно приходило – то ли переменился ветер и стал менее холодным и колючим, то ли сильнее набухли почки на деревьях и начали источать тонкий смолистый аромат, или же сам воздух стал прозрачнее и звенел в ушах легкими кристальными колокольцами сверкающих на солнце сосулек, украшавших скаты крыш. Но действовало это абсолютно на всех. Мадам Стерн стала разучивать с ученицами новый танец к Весеннему празднику, связанному с равноденствием и началом сельскохозяйственного сезона, полный плавных воздушных движений и, к радости Кэт, – прыжков. Все ученицы сводили с ума родителей разговорами о новых костюмах и совместно шили их по вечерам по перерисованным у мадам Стерн выкройкам. Черный пес мадам Кюрю оглашал Городок радостным лаем, продолжая выгуливать свою хозяйку в большей степени, чем она его. И мадам Кюрю была счастлива. Мохнатый любимец, выхоженный ее заботами, больше не хрипел после зимних приключений и снова чувствовал себя превосходно. Даже мадам Жерни стала как будто улыбчивее и чуть меньше задавала уроков, хотя оценивала работы по-прежнему без поправок.

Томми с трудом мог сосредоточиться на ее занятиях, уже планируя, как они спустят на воду «Фрегат», который на зиму отправлялся под навес, сооруженный у домика мистера Нордваттера. Но море пока не успокоилось полностью от зимних штормов и готовилось принять в себя подступающие паводки. На весенние каникулы обычно еще и речи не было о выходе ребят в море, но неуловимый и манящий аромат весны так вскружил Томми голову, что вместо того, чтобы рассчитывать площадь объемных фигур сложной формы, он уже мысленно бороздил свинцово-голубые морские просторы и попутно хватал трояки по контрольным, к ужасу Элис. Вот только на географии мальчик был как никогда внимателен и даже попросил у мистера Вилькинса подробную карту, где отмечались все судоходные маршруты и порты.

– Позволь полюбопытствовать, – учитель осматривал полки в своем кабинете на маяке и снимал один потрепанный атлас за другим, проверяя, насколько те подробны, – отчего такой интерес к ближайшим портам? Неужели идея побега в столицу перекочевала из головы Кэт в твою?

– Ну допустим, Кэт уже давно не собирается никуда убежать... Нет, мне вовсе не за этим. В последнем письме родители ведь написали, что собираются возвращаться, как только улягутся шторма. Так вот – это значит, что уже совсем скоро, понимаете?

– Понимаю, – кивнул мистер Вилькинс, держа в руках стопку карт в твердом переплете.

– Ну и я хочу посмотреть возможный маршрут, рассчитать время, чтобы понять, когда их ждать.

– Что ж, это весьма познавательное занятие. Хотя, думаю, они и известят тебя подробнее в письме, но изучить карты всегда полезно, – он уложил на стол три атласа. – Итак, давай посмотрим, что у нас тут есть.

Мари отложила спицы и размяла пальцы. За эту зиму ей пришлось потрудиться над вязанием куда больше обычного. Малыш рос, и хотелось делать для него все новые кофточки и шапочки. Да еще Томми ухитрился потерять шапку и перчатки, и в знак примирения с мадам Стерн Мари заодно связала и для Элис. В этот раз ей не хватило крашеной шерсти, и пришлось вязать из обычной, которую можно было купить у местных фермеров. Часть необработанной овечьей шерсти они продавали большими тюками в Портовый город, откуда ее могли отправить на фабрики или в маленькие мастерские. А потом она возвращалась в виде уже прокрашенной пряжи или готовых изделий. Но часть фермеры обрабатывали сами. Их жены и дочери вычесывали, прядли и свивали колючие мотки, и полученную пряжу использовали для домашних нужд и на продажу соседям и в Городок-вниз-по-холму.

Правда, и здесь было несколько прядильщиц. Ткали на дому все реже, обычно ткани покупали, в том числе, шерстяные. Но вот вязали почти все женщины городка. Поэтому идея купить вязаную вещь никогда и в голову бы не пришла местным жителям, зато и каждая шапка, шарф, носки, кофточки и джемпера были уникальны, и по ним было сразу видно, чьих рук творенье. Вот эти ромбики были излюбленным сюжетом миссис Капперс, а вот так вывязывала крючком цветочки только миссис Барк. У миссис Фюшкинс с ее большим семейством часто не хватало времени на сложные узоры, и муж и дети носили довольно простые и однотонные свитера и шарфы. Но даже она то тут, то там выплетала окантовку, похожую на волну, или на краю шарфа делала простую, но узнаваемую фигурку рыбки.

Мари любила работу с цветом, и потому заказывала крашеную шерсть в Портовом городе, смешивая ее с мотками, которые брала у местных фермеров. Ее узоры отличались простотой и элегантностью, она старалась не перебарщивать с ними, хотя обычно у нее доставало времени. Но этой зимой Томми получил от Мари весьма простую, но теплую шапку из серой неокрашенной овечьей шерсти. Мари связала ее всего за пару вечеров – не хватало еще, чтобы он отморозил уши! Пришлось поступиться элегантностью ради практичности и быстроты. Но оказалось, мальчику это было совсем не важно. Не особо рассматривая, он нацепил ее на голову, выходя после своего вынужденного заточения, и сказав: «О! Теплая!», тут же был таков.

Мари оглядела получившиеся зелененькие носочки-ботиночки с маленькими рюшечками по краю, связанные из остатков мотка, и сонно потерла глаза. Пожалуй, на сегодня хватит, решила она, укладывая похожие на фасолины носочки в корзинку с вязанием.

– Заварить тебе чаю? – мистер Вилькинс вошел в гостиную с маленькой чашечкой кофе в одной руке и с книгой под мышкой. Вид при этом у него был чрезвычайно довольный.

– Нет, спасибо, – Мари поднялась и потянулась. Ее поражала способность мужа пить кофе даже на ночь и при этом преспокойно засыпать. Сама же она перед сном не пила даже чая, только травяной настой. – Поделишься со мной своими хорошими новостями? – поинтересовалась она.

– М? Новостями? – прищурился мистер Вилькинс, опуская чашечку и книгу на застеленный белой салфеткой с кружевным плетением по краю стол.

– Я же вижу, – Мари окинула его взглядом, и на мгновение в голове ее промелькнула идея кардигана, который ей бы хотелось связать для Джона. Она бы взяла зеленую с неярким изумрудным отливом шерсть, смешала бы с серой неокрашенной пряжей, а еще деревянные пуговицы можно было бы сделать из веточки граба или осины... Через мгновение Мари снова была вся во внимании, тепло улыбаясь супругу. – Кто-то из учеников тебя порадовал?

– Они всегда меня радуют, когда думают. – Он явно не собирался сдаваться так легко. Усевшись у камина в свое любимое зеленое кресло, которое перекочевало вместе с ним на маяк из домика на окраине, он отпил кофе, выжидающе глядя на Мари.

– Ну тогда... – Она обошла его и обняла со спины за плечи. Чувствуя под ладонями приятное мягкое тепло его свитера, она наклонилась к самому уху. – Ты получил какое-то приятное известие.

– Анри поедет за почтой только завтра, но близко, – он повернул голову, щекотнув ей нос бронзово-рыжими волосами, и посмотрел на нее. – Сдаешься? – ее лицо было так близко, что он мог разглядеть каждую жилку в радужке ее глаз, пушистую бахрому длинных ресниц, изогнутую как будто в легком вопросе дугу темно-коричневых бровей. Мягкой волной каштановые волосы, перехваченные лентой, низбежали на плечо, как река, огибая длинную шею. И отблески огня на переливах прядей делали их действительно похожими на поверхность спелых каштанов.

– Нет, – улыбнулась она, – я докопаюсь до истины... Ты... – Мари слегка прищурила глаза, а потом снова раскрыла: – Дописал книгу!

И он поцеловал ее.

– Да. Завершил все поправки и завтра отправляю рукопись редактору. – Мистер Вилькинс нежно потянул супругу за руку, призывая обойти кресло, и поймав, усадил ее себе на колени. – Всё! Теперь можно будет ждать выхода.

– Поздравляю тебя! Ты ведь подпишешь мне экземпляр? – рассмеялась она.

Внизу громко хлопнула дверь, и по лестнице раздались быстрые шаги. Мари мгновенно вспорхнула с коленей мужа, предварительно быстро поцеловав его в усы.

– Добрый вечер, Томми, – обратилась она с напускной серьезностью к ввалившемуся в дверь мальчишке в распахнутой мокрой от талого снега куртке и потемневших от влаги кожаных ботинках, немного стертых на носках и на внутренней стороне. – И где это тебя носит в такое время?

– Какое такое время? – Томми стянул куртку. Если одежда и обувь была мокрая, ее внизу не оставляли, а раскладывали и развешивали у огня, чем Томми регулярно и занимался, поскольку редко приходил домой сухим, особенно в снежное время года. – У меня нет часов, а значит, мое время ничто не отсчитывает, кроме солнца!

Мистер Вилькинс одобрительно приподнял бровь, находя такое замечание вполне резонным.

– Ну и раз оно уже скрылось, то тем более, как я могу знать, который час? – Томми босиком протопал к очагу, выставляя ботинки и укладывая рядом носки.

– А это когда успел... – Мари подхватила носок, обнаружив на нем знатную дыру на пятке. – Я же штопала все недавно.

– Ну... они за сундуком лежали, – Томми провел ладонью по волосам, – забыл тебе отдать. Но не страшно, мне и так удобно – проветриваются!

Мистер Вилькинс сдержал смешок, чуть не поперхнувшись кофе.

– Ну конечно, – Мари вернула носки к огню. – И все-таки, где же ты так вымок?

– Да мы с Сэмом ходили сегодня к реке посмотреть. И доложу вам – лед тронулся! А значит, скоро под парус!

– Ты бы не торопился так, все льдины должны полностью пройти... – обеспокоилась Мари. – Раньше Весеннего праздника этого точно не будет.

– Да я знаю. Но ничего не мешает мне предвкушать! И каждый новый знак приближающейся весны только напоминает мне об этом! – И он подпрыгнул, поочередно шлепнув босыми ступнями по дощатому полу. – А кстати, вы с Жаннет в этом году снова в организаторах фестиваля?

– Полагаю, да, – кивнула Мари, – кажется, в Городке уже другого и не ждут.

– Только твоих шоколадных круассанов и витушек с изюмом! – с энтузиазмом поддержал ее Томми, старательно отводя разговор от опасной темы оврага.

– Да, у меня большие планы, – согласилась Мари, но она-то внимание держать умела. – И все-таки, – она снова окинула взглядом Томми, – я надеюсь, ты не в реку окунулся?

– Ну нет же... – Томми шагнул ближе к огню, и от мокрых штанин потянулся пар. – Там просто грязно и мокро было, когда мы спускались к устью.

– А еще крутой склон, где, мне помнится, полтора месяца назад ты чуть не разбил себе голову о лед.

– В этот раз я был внимательнее.

– Элис тоже карабкалась по оврагу? – поинтересовалась Мари, направляясь к двери.

– Нет, девчонок мы сегодня не брали с собой, и потом, у них танцы. Мадам Стерн, видимо, не хватает одной Кэт, и под предлогом подготовки выступления к Празднику она ввела дополнительные занятия для всей группы.

Захватив носки, Мари кивнула на штаны Томми: «Переоденешься, отнеси вниз», – и отправилась на кухню, чтобы сразу замочить грязную одежду в тазике и подогреть воды для умывания. Спускаясь, Мари с сочувствием подумала о своей молодой помощнице, понимая, что теперь Мэгги будет разрываться между репетициями и желанием помочь с подготовкой к Празднику в пекарне, о чем девочка так восхищенно говорила последние дни, особенно когда Мари начала экспериментировать с новыми рецептами марципанов. Для них она ждала новой поставки миндаля из порта, и очень надеялась, что Анри на неделе привезет ее посылку. Теперь, когда Мари была почти все время с малышом, самой выбраться в Портовый город у нее не было возможности. Но она вела активную переписку со всеми поставщиками, и всегда давала Анри сопроводительные записки, когда он ездил от ее имени забирать груз из порта.

Вместе с высвобождающейся водой из-под взломанной корочки льда на реке жизнь активно врывалась в эти места. Городок и фермы на холмах пробуждались от зимнего сна, и приятная предвесенняя суета наполняла улочки и дома. Наступало время большой весенней уборки. Хозяйки проветривали дома, впуская влажный от тающего снега воздух, над его ноздреватыми остатками выбивали матрасы, подушки и ковры. Последние обычно вычищали зимой, раскатывая их прямо на белоснежном покрове, теперь же в ход шли ведра с родниковой водой. И на маяке Мари тоже готовилась перевернуть все «с ног на голову», как именовал генеральную уборку Томми. Ему частенько доставалось мытье винтовой лестницы, поскольку он был самым шустрым. Но даже и он время от времени на ее узких ступенях ухитрялся опрокинуть ведро. «Обливной метод! – пояснял тогда мальчик. – Как на корабельной палубе!» К счастью, лесенка была металлическая и от такого обращения не страдала. Большая уборка была назначена на ближайшие выходные, а все домочадцы предупреждены, что отлынуть от нее не выйдет.

В это утро мистер Вилькинс вышел из дома чуть раньше обычного. Обмотав шею шерстяным шарфом и привычным движением вычистив ботинки, он сунул подмышку увесистую стопку листов, аккуратно упакованных в несколько слоев толстой коричневой бумаги, в которой Мари обычно приходили ее ткани, крепко перевязанную веревочкой. И бодрой поступью выдвинулся с маяка, планируя по дороге в школу завернуть на почту до того как Анри отправится в Портовый город.

Булочную сегодня открывала Жаннет, а потому, проводив домочадцев, Мари принялась за подготовку к большой уборке. Разумеется, она всегда поддерживала аккуратность и порядок

в доме, причем весьма большом. Но раз в год, по весне, девушка подходила к этому вопросу особенно основательно: необходимо было перебрать все вещи, проветрить сундуки, просушить и подлатать все, что исправно служило в холодное время и, убрав на длительное хранение, подготовить одежду предстоящего сезона. Прибрав кухню, Мари разложила на широком столе собранные в прошлый сезон травы. Здесь были сухие букеты пижмы, баночки с мятой, которую она выращивала на подоконнике и в небольшом садике, разбитом у маяка, и обернутые в коричневую бумагу веточки лаванды. Ее приходилось заказывать, хотя Мари упорно продолжала попытки сама вырастить привычные ей с детства, ароматные, сиреневые цветы, а также розмарин. Но пока это была лишь капля в море. А лаванду и розмарин она использовала и в выпечке, и в домашней готовке, а теперь они были нужны для еще одной цели. Все подготовленные травы Мари собиралась распределить по небольшим сшитым ею мешочкам, а потом проложить ими всю шерстяную одежду, которую планировала убирать в сундуки и шкафы. Этому Мари научила ее мама, но в тех местах, где она росла, лаванды было вдоволь. Здесь же Мари находила замену, например, в обилии растущей здесь и в конце лета радующей глаз желтыми соцветиями пижмы. Местные хозяйки весьма ценили это растение, и Мари последовала их примеру. Неуловимо традиции, впитанные с детства, переплетаются с тем, что обретаешь в новых местах жизни, и сам становишься от этого чем-то новым, не тем, кем был до этого в полной мере, но и не тем, кем мог бы быть, родись ты в этих местах. Любой путешествующий человек – это всегда пестрый ковер разноцветных нитей. Но под разнообразием приходящих цветов рисунка всегда лежат нити основы. В узорах некоторых людей они могут быть невидимы, но именно на них держится все полотно.

Мари достала из ящичка стола в спальне небольшую деревянную коробочку. Там тоже лежали две веточки лаванды, но их она никогда не использовала для зимних свитеров. Эти веточки она собрала на полях, где когда-то гуляла вместе с матерью, и где, она полагала, вырастет и будет жить. Поднеся одну к носу, Мари медленно вдохнула. Тусклый аромат еще жил в высушенном растении. Тихонько он нашептывал ей о пропитанных солнцем берегах теплого моря, кривых оливковых деревьях и полном запахе пряных трав воздухе: когда с утра открываешь высокое окно, обрамленное длинными зелеными ставнями, и вдыхаешь лавандовый ветер, сбегая взглядом по широкому саду и оливковой роще за ней.

Проснулся Микаэль. Мари потянулась к нему и взяла на руки. Сидя на кровати, где подле нее были разложены маленькие сокровища прошлой и такой далекой жизни, Мари тихонько напевала и покачивала малыша. Она хотела, чтобы сын тоже был окружен песнями ее матери, хотя родился совсем в других местах. Пусть ковер его жизни тоже будет пестр, а нити основы этого ковра принесет ее жизнь, жизнь ее мужа и самого этого места.

– Посмотри, что у нас тут? – одной рукой она потянула из коробочки медальон на цепочке. Серебряный овал его был украшен тонкими переплетениями веточек с листочками. Мари подцепила ноготком и раскрыла его. Внутри был изящный акварельный портрет молодой женщины с такими же каштановыми волосами. – Знаешь, кто это?

Микаэль потянулся ручонками к медальону и издал забавный звук.

– Это твоя бабушка.

Это было единственное сохранившееся у Мари изображение матери.

– А ты знаешь, в честь кого тебя я назвала? – прошептала она малышу с улыбкой. – Так звали моего дедушку и твоего прадедушку. – И она была не намерена переименовать малыша в Уильяма, как того желали родители мистера Вилькинса. Сам же Джон тоже называл сына Микаэлем.

Тропинка в лесу хрустела и скользила смерзшейся коркой подтаявшего снега. Жесткие зерноватые края его темнеющей каемкой отступали от тонких ветвей кустарников, а на солнечной стороне холмов уже обнажались охристо-зеленые клочья прошлогодней травы. И казалось, вот-вот в ней появятся ярко-зеленые пятна свежего подроста. Спускаясь через лес, мистер Вилькинс несколько раз чуть не поскользнулся на вытоптанной обитателями маяка тропинке, но устоял, крепко удерживая свой увесистый многолетний труд подмышкой, после чего продолжил путь в Городок все тем же бодрым шагом.

Если в начале зимы, когда снег укрывает всю округу пушистым белым одеялом, волшебным образом преображая мир, трудно не радоваться ему, то в начале весны, когда зима рыхлым зернистым снегом, смешанным с проступающей черной от влаги почвой, мнетя на пороге, ощущения уже иные. Мистер Вилькинс чувствовал себя в этот момент под стать Томми с его нетерпением вступить на борт «корабля». Только учитель скучал по своему невысокому и быстрому велосипеду, спрятанному на зиму в домике у маяка.

К двухколесному транспорту он пристрастился еще в студенческие годы и разъезжал на нем по тропинкам между старинными корпусами, и в итоге так никогда и не сел за руль автомобиля, хотя возможность у него была. Здесь, в Городке-вниз-по-холму, его не смущали ни склоны, ни узенькие тропинки, и, к удивлению местных жителей, их школьный учитель запросто рассекал по городку, ухитряясь никого не сбить и не помять хорошо выглаженного костюма. Мадам Жерни поначалу весьма скептически смотрела на пристрастие нового учителя, когда мистер Вилькинс только перебрался в эти места. Ей казалось, что не пристало преподавателю, будто мальчишке, гонять по холмам на этой «страшной двухколесной штуковине», но статус ученого у мистера Вилькинса и наличие у него лучшего образования из всего преподавательского состава, помешало ей слишком открыто высказаться по данному вопросу. Со временем она и сама забыла, что это ее когда-то смущало.

Из-за окошка-витрины булочной мистеру Вилькинсу помахала Жаннет, выкладывавшая первую порцию хлеба на деревянные полочки за прилавком. Учитель с улыбкой кивнул и вежливо дотронулся рукой до вязаной шапки. В ветреном климате морского побережья зимой было не до шляп. Да и в теплое время мистер Вилькинс их редко носил, подставляя свою рыжую слегка волнистую шевелюру солнышку.

У почты уже стоял зеленый грузовичок, весело тарахтя – прогреваясь перед дальней дорогой. Дверь домика была открыта, и оттуда слышались голоса Анри и его помощника Майкла. Последний появился с грудой посылок, как раз когда мистер Вилькинс собирался войти. Учитель предусмотрительно посторонился, пропуская юношу с объемной ношей. Но тот даже не заметил его.

Склонившись над разделяющей зал приема деревянной стойкой, Анри сверял списки. Вокруг высились стопки посылок и кульков всевозможных форм и размеров, а подле них прикорнул холщовый мешок с письмами.

– Доброе утро, Анри! – подошел к нему мистер Вилькинс.

– Доброе, Джон! – поднял взгляд почтальон. – Что-то есть на отправку?

Учитель выложил на стол перед ним свою драгоценную ношу.

– Да. Это рукопись.

– А, – Анри потер рукой подбородок, – сейчас взвешу, это бандероль получится, я полагаю. – За годы службы на почте Анри умел и на глаз прикинуть вес. – Но не стоит, наверное, это так отправлять... Тут у меня где-то подходящие коробки были. – Он ушел за шкафы с ящиками для писем, разделяющие приемное отделение почты от служебного помещения. Послы-

шалось шуршание, и вскоре он снова появился с небольшой коробкой. – Вот тут подрежем, и поместится. Только придется тогда оформлять как посылку.

– Ничего страшного. Главное, чтобы рукопись благополучно добралась до адресата, – улыбнулся мистер Вилькинс.

Анри кивнул и тщательно упаковал посылку и взвесил ее.

Мистер Вилькинс оперся ладонью о деревянную столешницу.

– Даже не верится...

Анри поднял на него глаза в немом вопросе.

– Рукопись, – пояснил мистер Вилькинс, – впервые, можно сказать, выпускаю ее из рук. Только Мари давал почитать, и первую главу – редактору. И теперь отправляю в большой мир.

– Волнуешься? – отложив заполненный бланк, молодой почтальон внимательно посмотрел на пребывавшего в задумчивости учителя. За время службы на почте, которое началось для Анри еще с подросткового возраста, через его руки прошло столько историй человеческих жизней! Люди запечатывали сиюминутное и сокровенное, срочное и официальное, личное и сентиментальное в конверты и доверяли ему. Но он лишь переправлял их мысли, чаянья, просьбы и надежды из одного почтового пункта в другой. И вот теперь целая книга мыслей другого человека. Каким-то неуловимым образом Анри чувствовал собственную причастность ко всему тому, что проходило через его руки. Через него словно текла важная часть жизни всего городка.

– Нет, – мистер Вилькинс качнул головой и отвел взгляд, – скорее отпускаю что-то, что казалось мне частью моей повседневной жизни. А теперь как будто само по себе. Интересно, похоже ли это на то, что нам с Мари предстоит почувствовать, когда сын подрастет и скажет: «ну дорогие родители, а теперь я сам», вступая в новый этап своей жизни? – и снова взглянул на Анри с улыбкой, меняя тон с задумчивого на веселый. – Надеюсь, это будет обучение в университете.

– До этого вам с Мари еще долго, – Анри внимательно промаркировал посылку и поставил ее к остальным, сделав пометку в списке. – Куда раньше этого стоит ждать от Томми, – сказав это, он почему-то смутился. Потом стал пояснять помощнику, в каком порядке загружать посылки, затем и сам ушел с ним на улицу, но вскоре вернулся, все так же держа лист с описью в руках.

– Да, думаю, ты прав. Кажется, Мари переживает по этому поводу немного, – сказал учитель скорее себе, чем Анри. – Но это неминуемо.

– Я сейчас даже не думаю, как будет взростеть наша хулиганка, – усмехнулся почтальон. – Пока только успеваем кашу от обоев оттирать! По-моему, мама в некотором недоумении, хотя я полагал, ее мало что может удивить в столь почтенном возрасте. А тут подростки... Но мне ли тебе говорить об этом? У тебя вон целая школа.

– Мне нравится наблюдать этот переход, – пряча в усах улыбку, заметил мистер Вилькинс. – Дети – они как будто более цельные, а потом начинает появляться эта подростковая несуразность. Но именно в ней и идет огранка будущего взрослого. Эти неокрепшие крылья выходящей из кокона бабочки особенно нежны и ранимы. Поэтому подростки и кажутся всем такими сложными. Даже себе самим. Они еще в периоде метаморфозы. А это может быть весьма болезненно.

Анри покачал головой.

– Как ты интересно подметил... А вот мне иногда кажется, что я все еще в этой «несуразности» временами, – он смущенно развел руками, вздохнул и снова опустил глаза на бумагу. Повел бровями и встревоженно окинул глазами комнату, разыскивая что-то.

Мистер Вилькинс задумчиво и понимающе кивнул:

– Пожалуй. В какой-то степени эта метаморфоза не завершается до самого последнего аккорда нашей жизни. – А потом, улыбнувшись, произнес: – Кажется, я уже достаточно отвлек тебя от работы, пойду поучать своих вылупляющихся бабочек.

– Да... – Анри провел рукой по волосам и вернул фуражку на место, – стоит только отвернуться, и Майкл куда-то поставит, что и не отыскать. Так-то он парень хороший, но лучше работает, когда под присмотром, увы.

Пожав Анри руку, мистер Вилькинс отправился в школу, оставив его прояснять вопросы погрузки с помощником, утверждавшим, что он вчера ничего не трогал из посылок, ну может, только одну стопку отодвинул подальше от прохода...

Глава 2. Неразлучная четверка

Вставать не хотелось совершенно. Тело просто отказывалось выныривать из-под теплого, мягкого и в высшей степени уютного одеяла, попутно напоминая нытьем мышц о вчерашних приключениях. Томми потянулся и зевнул, так широко раскрывая рот, словно желал раздвинуть челюсти одну от другой, как это умеют делать змеи. Потом отчетливо чихнул. Он уже слышал стук в дверь, коим Мари напоминала о необходимости пробуждения. Затем она еще несколько раз ходила по лестнице и громыхала чем-то вниз. Промычав что-то нечленораздельное, Томми перевернулся на живот и пошарил перед собой высунутыми из-под одеяла руками, потом решил проверить мир ногами, все так же не раскрывая головы, и шлепнулся на пол прямо в одеяле.

– Ой, – издала груда одеяла на полу и зашевелилась, обнаруживая, наконец, взъерошенную белобрысую голову мальчика. По полу тянуло прохладой, что вынудило Томми поспешно занять вертикальное положение. Сунув ноги в тапки из овечьей шерсти, мальчик подошел к приоткрытому окну прямо в кульке одеяла. Яркие лучи пробивались через хороводы облаков у самого горизонта. Играя с солнцем в гляделки, Томми еще раз выразительно зевнул.

В гостиную мальчик обнаружил, что Мари всерьез взялась за перебор вещей, и понял, что стоит поскорее отчаливать в сторону учебного заведения, пока она не решила и его перебрать – к большой уборке, по мнению Томми, Мари подходила чересчур рьяно. И он надеялся, что младший мужчина в доме ее немного вразумит. Оставив Мари в обществе маленького Микаэля, Томми выскочил в предвесеннюю свежеть утра, на ходу дожевывая бутерброд.

Поскольку вышел он предосудительно рано, то специально сбавил шаг у самого леса и с удовольствием приглядывался к признакам весны. Разумеется, наблюдая деревья каждое утро, трудно было заметить, насколько увеличились и набухли почки. К тому же дубы – из тех, кто не любит торопиться: ни расставаться со старой листвой по осени, ни обзаводиться новой по весне. Однако тропинка основательно подтаяла от частых дождей и человеческих ног, и теперь уже кое-где чернела влажной землей, хотя и оставалась довольно скользкой. Под деревьями отчаянно прятались остатки зимы, которые могли здесь, не примеченные солнцем, потихоньку таять еще до мая. Но и они более не казались такими уж основательными. Снег неумовимо менял свою структуру, обзаводясь льдистой корочкой, на которую сыпались шелуха коры и фрагменты сухих веток. Здесь рылись белки и сойки в поисках забытых осенью желудей, ускоряя разрушение снежных холмиков. А по ночам на зазевавшихся зверьков охотился большой лупоглазый филин. Томми всего несколько раз за год удавалось заметить бесшумную птицу, и то больше как тень среди стволов, но крик его он хорошо знал и даже иногда пытался подражать, вызывая тем явное негодование птицы. Короткое гортанное «у», а иногда недовольное, похожее на язвительный смех. Последний у Томми не получался. Неудивительно, думал он, что филины пугают людей – вот раздастся неожиданно во мраке леса такое – и еще не то себе надумаешь, а это всего-навсего ночная птица зовет другую или летит кормить птенцов.

Второй раз мальчик сбавил шаг уже когда прошел по улочкам городка и оказался на берегу. Здесь снег давно стоял или был поглощен штормовым морем, и волны жадно облизывали темный от впитавшейся влаги песок. Обойдя домик на сваях, Томми заглянул под навес, проверить, как поживает их лодка по имени «Фрегат». Она стояла на подпорках с уложенной вдоль корпуса мачтой, а парус утянутый веревкой хранился по соседству – в самом домике. Подойдя вплотную к лодке, Томми провел ладонью по корпусу. Доски были на ощупь влажные и шершавые от облупившейся местами краски. «Надо бы ошкурить и подкрасить», – подумал он, двигаясь вдоль корпуса и заглядывая под днище. Но те остатки краски, которые достались ребятам от покраски маяка и которые они использовали для лодки в прошлый раз, уже закон-

чилишь, и нужно было ехать в Портовый город за пополнением. Впрочем, припомнил Томми, Мари как раз планировала этой весной подновить входную дверь, а, может, и покрасить домик при маяке. И под этим предлогом можно было взять баночку и для «Фрегата».

За спиной захрустел мокрый песок, и Томми обернулся.

– Привет! – Сэм стоял у навеса, положив ладонь на тряпичную сумку через плечо, в которой носил книги и бутерброды к обеду. – Видел сверху, как ты завернул сюда.

– Привет, – Томми все еще держался за борт лодки, словно это был его домашний питомец. – Вот думаю, хорошо бы подкрасить перед спуском на воду. А то облупился уже весь, будет портиться дерево...

Сэм подошел и тоже ощупал борт «корабля», поскреб обшивку пальцем и постучал.

– Ну да. Отец каждый год свою лодку подновляет.

– Предлагаю всем вместе сгонять в Портовый город, с Анри или с мистером Бэккетом, – Томми сунул руки в карманы расстегнутой куртки. – Кстати, а где твои подопечные? – заметил он, припомнив, что зимой Фюшкинсы ходили все вместе, словно выводок утят.

– Они сами уже вторую неделю ходят, – удивился ненаблюдательности друга Сэм. – А сегодня Мар проспала. Весь вечер накануне просидела, перерисовывая выкройки, которые взяла у миссис Стерн. Мама ругается, что она который раз масло допоздна жжет. Но днем-то мы в школе. А Берта с младшим решили ее дожидаться, – он немного прошелся вдоль лодки. – Только я не уверен, – продолжал он с противоположного конца навеса, – что смогу в Портовый город с вами поехать. Это ведь на целый день.

– Так и что же? Мы можем в выходной.

– Да мне и так за эти наши вылазки по оврагам мать пеняет...

– Так ты-то в овраг не падал, и вообще... – Томми тоже обошел лодку.

– Не в этом дело. У нас – корова, куры, отец часто в море, – пояснил Сэм, – не могу же я оставлять все домашние дела на сестер. Они и младше, и вообще девочки. А когда нет отца – я один ну... мужчина в доме... Так выходит, – он развел руками. – Так что вы с Элис поезжайте, и Кэт возьмите с собой. Она будет рада прогуляться по Портовому городу.

– Думаю, она будет рада прогуляться с тобой.

Сэм похлопал лодку по борту, словно шею коня.

– В школу пора, – и вышел из-под навеса в объятие свежего ветерка. Тот сразу взьерошил темно-русые, немного неровно остриженные волосы мальчика, уже не прикрытые шапкой.

Бросив еще один длинный взгляд на лодку, Томми вздохнул и последовал за Сэмом. Сын рыбака шел небыстро, и Томми легко догнал его. Они остановились у воды. Морская поверхность казалась по-зимнему темной, словно уходящее время холодов притаилось там, прячась перед отступлением. У горизонта бликами по воде рассыпалось солнце, освещая разбежавшиеся по небу облачные стада. И хотя воздух уже был напоен его теплеющими лучами, от моря дышало холодом. Вода дольше воздуха отдает тепло и долго прогревается – объяснял как-то мистер Вилькинс. Но каждый живущий у моря по своему опыту знал, что по осени уже в прохладном воздухе веет от воды теплом, а весной – как теперь – наоборот, выдыхает холод зимы в лицо. На побережье все сезоны были немного смещены – огромные массы воды контролировали погоду.

Первым прервал молчание Сэм.

– Отец сказал, что с этого сезона будет чаще брать меня с собой, в море.

Оторвав замороженный бегом волн взгляд от воды, Томми повернулся к другу:

– Это значит, ты будешь реже ходить с нами на «Фрегате»?

Тот кивнул.

– А ты... – Томми ковырнул ботинком мокрый песок и кинул его подступавшим к самым ногам волнам, расходящимся плоскими языками по пляжу, – сам, ну... хочешь?

Сын рыбака пожал плечами.

– Я уже давно помогаю ему с сетями, и на ночной лов он несколько раз меня брал. Должен же я перенимать дело, как мой отец раньше у деда. Дед вот теперь дома сидит. А придет время, и отец будет, а в море пойду я один.

– Так не пришло же еще. – Томми запахнул куртку: дыхание моря пробралось под вязку свитера. – И до окончания школы еще долго.

– И что? – Сэм повернулся в сторону возвышавшегося на берегу здания, куда группками и поодиночке заходили дети. – Пошли, опоздаем же.

Томми нехотя двинулся за Сэмом. Раньше он никогда не чувствовал, что одноклассник старше его на год. Но теперь эта небольшая разница словно чертой пролегла между ними. А может, дело было вовсе не в возрасте? Дети с ферм тоже были активно заняты в помощи родителям по хозяйству с малого возраста, и бывало, пропускали уроки, особенно в старших классах. Но раньше Томми не обращал на это внимания. Неужели он, Элис и Кэт в одном положении, а их друг Сэм – в ином? Они ведь живут в одном городке, учатся в одной школе, попадают вместе в переделки и ходят под парусом тоже вместе. Но положение, выходит, у них разное, и приближающееся взросление спешит напомнить об этом. Как же так?

К дверям школы они подошли со звонком. Дежурила добродушная мадам Гринуар. Преподавательница словесности помахала ребятам, поторапливая, и пожелала доброго утра. Увидев вошедших вместе в класс мальчишек, Элис внимательно посмотрела на них и снова опустила взгляд в учебник, повторяя урок. Будучи поглощен своими мыслями относительно взросления, Томми этого не заметил и, быстро поздоровавшись с подругой, сел рядом.

– Как дела? – поинтересовалась Элис, не поднимая взгляда от строчки, на которую смотрела уже минуту.

– Нормально. Вот ходили на «Фрегат» посмотреть. Покрасить думаем.

– С Сэмом?

– Угу.

– Как вчера к реке?

– Да, – Томми рылся в ранце, забыв, что именно ищет. – Э... что там у нас?

Элис перевела на него удивленный взгляд и сделала жест глазами в сторону доски, где уже писала что-то мадам Гринуар.

– А точно... Что? – Томми вскинул взгляд. – Диктант?! Да они издеваются... – простонал он, выловив, наконец, нужную тетрадь.

Поскольку в этот вечер не было ни танцев, ни дополнительных занятий по подготовке к выступлению, Мэгги напрямик направилась в булочную. Выйдя на улицу, она сразу заметила «неразлучную четверку», как год назад прозвала их мадам Жерни. Ребята столпились на пляже и живо что-то обсуждали. Томми вещал, как всегда активно жестикулируя. Кэт поглядывала на него немного скептически, но потом и она оживилась. Элис внимательнее всего смотрела на Томми, а Сэм хоть и казался несколько отстраненным, периодически вскидывал взгляд на Кэт. С того места, где остановилась Мэгги, ей было все это хорошо видно. Увлеченные же беседой, ребята не замечали наблюдателя. Мэгги некоторое время смотрела на них, убеждаясь в том, что заметила еще давно. А потом отвернулась и пошла в противоположную сторону.

В булочной ее встретил веселый голос Жаннет:

– О, Мэгги! – художница улыбнулась ей из-за прилавка и немного удивленно заметила: – Ты сегодня нам помогаешь? А я думала, у тебя танцы.

– Добрый день, Жаннет! Нет, у меня вчера были. А что, сегодня не нужно? – девочка остановилась на пути в кухню, несколько смущенная этим вопросом.

– Еще как нужно! – воскликнула художница, и, словно в подтверждение ее слов, звякнул колокольчик, и в булочную вошли две пожилые дамы. – Я тут без Мари ничего не успеваю... – прошептала она через прилавок. И мгновенно расплылась в приветливой улыбке: – Добрый день, леди! Чем вас сегодня порадовать?

Старушки смущенно заулыбались, порадованные уже только этим лучезарным приветствием.

– А Мари уже ушла? – удивилась Мэгги, глянув на кухню и подхватывая фартук.

– Да не приходила еще! – снова шепнула Жаннет. – Она сегодня во вторую смену, а у меня ее заготовки заканчиваются... Ой, пойдй проверь скорее круассаны в печи! – И снова в полный голос: – У нас сегодня кленовые витушки только-только подспели, могу вас соблазнить ими?

Мэгги тоже поздоровалась и тут же нырнула на кухню, заполненную приятным ароматом подоспевшей выпечки. Толстые бока круассанов в печи основательно вздулись, и кое-где уже сочился шоколад. Мэгги поспешила их вынуть, и от их запаха в желудке у девочки заурчало. Со школьного обеда, который представлял собой то, что каждому давали родители, прошло уже довольно времени, а свежая мягкая выпечка всегда слишком аппетитна, даже для сытого человека. Девочка выставила поднос на стол, давая круассанам немного остыть, прежде чем выложить их на поднос и вынести на обзор покупателей. Осмотрев кухню, она поняла, что это были последние из оставленных Мари заготовок, и решила пока сама замесить тесто для рогаликов с орехами и заварным кремом – того, чем ей сейчас бы хотелось дополнить ассортимент. Мари говорила Мэгги, что хороший пекарь не только должен быть точен в количестве каждого ингредиента – для некоторых рецептов это было поистине решающе – но и доверять своей интуиции. К тому же, этот рецепт у Мэгги уже легко получался, и она могла не волноваться.

– Мари! – раздалось за дверью, когда Мэгги как раз замесила тесто и вытирала руки, чтобы вынести круассаны. – Я уже ждалась тебя!

– Привет, Жаннет! – отозвался спокойный голос Мари. – Разве я опоздала?

– Не знаю, может, и нет, но тут все словно с цепи сорвались и подчистую все подмели! Посмотри на полки.

В этот момент к ним вышла Мэгги с подносом.

– Очевидно, не все, – усмехнулась Мари, расстегивая пальто. – Привет, Мэгги! Твои? – она кивнула на круассаны.

– Здравствуйте, Мари! Нет, это ваши. Но, кажется, последние. Я сейчас тесто для рогаликов замесила.

– Очень хорошо. Тогда ты ими дальше занимайся, а я, пожалуй, сытные пироги затею. По-моему, у меня все есть для начинки.

– А мы разве делаем их вечером? – удивилась девочка.

– Вполне. Конечно, в обед они лучше уходят, но можно и облегчить некоторым хозяйкам ужин. Уверена, скоро кто-нибудь забежит, – и она таинственно дернула бровями.

«Интуиция пекаря!» – с восхищением подумала Мэгги и, опустив поднос, вернулась на кухню.

– Она тебе долго выкатать будет? – поинтересовалась Жаннет, покидая пост за прилавком.

– Можно подумать, она тебе не выкатает.

– Я с этим борюсь, – пояснила Жаннет.

– А я нет, – пожала плечами Мари, перекинув пальто через руку и направляясь в кухню, – пусть говорит, как ей удобно. Она меня воспринимает как наставницу.

Жаннет покачала головой, передразнивая подругу.

– Посмотрите только... – с улыбкой произнесла она. И пока Мари вешала пальто, а Жаннет снимала свое с крючка, она подобралась вплотную и тихонько тыкнула ее под ребро: – Наставница, не многовато ли ролей, а?

– Иди уже к семье, – со смехом подтолкнула ее Мари, – у тебя там дочь наверняка уже орудует ложкой как мечом против бедной матушки Анри!

– И не говори! – расширила глаза Жаннет, сунула руки в рукава пальто и, не застегиваясь, вышла из кухни, кинув: – Пока, Мэгги!

– До свидания... – Мэгги немного запоздало подняла голову, старательно помешивая подогревающийся крем – заварной нельзя было оставлять ни на мгновение, чтобы избежать комочков. – Жаннет... – но та уже скрылась за дверью.

– Итак, что у нас тут? – Мари тщательно помыла руки и хрустнула пальцами, разминая ладони.

– А маленький Микаэль сегодня не с вами? – спросила Мэгги, вдыхая приятный аромат ванили, которую только что влила в крем.

– Мистер Вилькинс уже вернулся, и я оставила малыша с ним. – Потом Мари обернулась и слегка прищурилась: – Это дрова в печи хрустят, или у кого-то желудок отбивает барабанную дробь?

Мэгги потупилась.

– Ну-ка быстренько давай возьмем этот сыр, – Мари достала с полки большую сырную голову, завернутую в тряпицу. – Я как раз собираюсь смешать его с тыквой и орехами, а ты продегустируешь. Ну и вот хлеб тоже...

– Я пообедала, – запротестовала Мэгги, ставя крем остывать.

– Вот и славно, я же предлагаю тебе только продегустировать, – и она отрезала основательный кусочек сыра, не совсем характерный для дегустации.

Скрывать дальше голод было невозможно, и Мэгги поддалась.

– Вообще, – Мари отрезала и себе маленький кусочек на пробу, – готовить лучше не на голодный и не на слишком сытый желудок. И то и то несколько изменяет восприятие вкуса. Может быть, для обычной домашней трапезы это и не так важно, но в нашем деле тонкий вкус – необходимая составляющая успеха. Мы должны быть самыми придирчивыми дегустаторами собственных же творений, а не покупатели.

Мэгги выслушала это наставление со всей серьезностью, которая порой так веселила Мари, и, кивнув, принялась за бутерброд.

– Ну и зачем ты на сей раз нас собрал? – Кэт стояла, приподнимаясь на носочки и опускаясь, явно уставшая от сидения в школе и не желавшая терять время перед дополнительной тренировкой, которая сегодня была только у нее, а не у всей группы. – Если что, мне сейчас не до морских собраний ваших...

– Ага, – возмутился Томми, – а летом на лодке ты ходить хочешь? Тогда весной ее нужно готовить.

– Могу и не ходить, – Кэт скрестила руки на груди, но приготовилась слушать.

– Во-первых, – Томми занял более устойчивую позу, заякориваясь ботинками в песке, – нам нужно подготовить «Фрегат» к мореходному сезону. Мы сегодня с Сэмом провели инспекцию судна.

На этом месте Кэт и Элис переглянулись с легкой улыбкой.

– И в общем, надо его ошкурить и покрасить, – продолжил Томми. – Я лично собираюсь заняться этим после уроков, ну у девочек танцы там всякие... Я уже понял. Так что мы начнем с Сэмом.

– Вообще-то у нас не каждый день танцы, – пояснила Элис, хотя с подготовкой к Весеннему празднику количество занятий действительно увеличилось.

Томми проигнорировал ее сообщение и завершил речь:

– А во-вторых, в этот раз нам нужно купить краску. Предлагаю всем вместе сгонять в Портовый город.

– А вот это уже интересное предложение! – оживилась рыжая балерина и уже собралась поведать, что бы она хотела посетить в Портовом городе, когда Элис спросила:

– А на что мы краску покупать будем?

И все посмотрели на Томми.

Нельзя сказать, что эта мысль не закралась ему в голову еще до вопроса Элис. Вначале, когда он только обсуждал покраску с Сэмом, то подумал было просто добавить банку-другую к заказу, который будет делать Мари для маяка. Но после разговора с сыном рыбака, которому так скоро предстояло вступить во взрослую жизнь, призадумался. В конце концов, Мари и мистер Вилькинс ему не родители, хотя, конечно же, он уже давно привык считать их родными. Несколько лет назад Мари взяла его к себе на маяк и заботилась фактически как о сыне или младшем брате. Он же лишь один-два раза в неделю дежурил в булочной. За такими размышлениями Томми в этот день на уроках снова «ловил ворон», как сказала о нем мадам Жерни. «И вовсе не ворон», – хотелось возмутиться, но Томми не стал, ведь не будет же он при всем классе объяснять, что решает важную задачу об открытии судоходного сезона. Мадам Жерни сколько угодно могла считать это баловством и детскими забавами. Но он-то, Томми, понимал, что это подготовка к его взрослой жизни, если уж на то пошло. Ибо его будущее определенно будет связано с мореплаваньем! И раз это было его делом, то и деньги на краску следовало доставать самому.

– Я тут подумал, почему бы снова не взяться за доставку, как в прошлом году, – наконец изрек Томми. – Краска – не жемчуг, а значит, я сам смогу набрать нужную сумму. Так? – он оперся кулаками в карманы куртки, вытягивая ее полы.

– И когда ты успеешь и шкурить лодку, и булки разносить? – поинтересовалась Кэт.

– Ну уж как-то успею, – парировал Томми, – мне же после школы не надо пируэты делать!
– Он комично помахал ногой от колена, разбрасывая мокрый песок, и задрал противоположную руку над головой, касаясь пальцами взъерошенных волос.

Кэт хмыкнула, а Элис слегка улыбнулась, опуская взгляд.

– Ну ладно, – сказала Кэт, – идея твоя ясна, я пошла. А то опаздывать на танцевальный класс – плохой тон.

– А спать на уроках? – подтрунил Томми, знавший эту особенность за девочкой, в частности, на занятиях мадам Гринуар.

– А это необходимость! – завила Кэт. – У меня молодой развивающийся организм, требующий сна и питания, при моем уровне нагрузки. Ну всё, всем пока! – она махнула рукой и зашагала обратно к городку легким и быстрым шагом, закинув сумку с одеждой для танцев на плечо.

– Мне на самом деле тоже пора, – пожал плечами Сэм.

– Вот так вот, да? – вздохнул Томми и перевел взгляд на Элис. – И тебе тоже?

– Мне нет, – ответила она сдержанно, – но если хочешь, могу тоже пойти.

– А с тобой что не так сегодня? – удивился Томми. Сэм к этому времени уже успел отдалиться, оставив их вдвоем на опустевшем участке пляжа перед школой.

– Со мной – ничего. Со мной все по-прежнему, – Элис перехватила связку книг, вздохнув, как будто собиралась добавить еще что-то, но вместо этого посмотрела в сторону на море. – Ладно, что, ты говорил, там с лодкой делать надо?..

– С «Фрегатом», – недоумеваю, поправил ее Томми, но на всякий случай дознаваться не стал. У него и так хватало о чем сейчас подумать. – Пойдем, покажу...

И они двинулись вдоль воды к домику на сваях.

Вечером ветер переменялся и стал нарастать. Он все еще дышал отголосками зимы. И чувствуя, как мерзнут ладони и лицо, Элис предложила растопить в хижине огонь.

– Прямо как в наши зимние посиделки, – заметила она, заноса с улицы чайник, который наполнила в родничке.

– Да, только обычно мы собирались вчетвером, – Томми прикрыл дверцу печки и отряхнул ладони.

Чайник опустился на металлическую поверхность печурки чуть громче ожидаемого.

– Помнится, раньше тебе было и моей компании достаточно. Но теперь по оврагам веселее лазать с Сэмом, не так ли?

Все еще сидевший у печки Томми перевел взгляд с чайника на девочку.

– Да ты о чем? Если о нашем спуске к речной горловине, так ведь у тебя танцы были. Или забыла?

– Не забыла, – Элис вытерла влажные ладони о полы пальто, – но... Ты в последнее время как будто избегаешь меня...

Томми поднялся и немного отошел к глазающему на подернутое легким сумраком море окну. Не то чтобы он совсем не понимал, о чем она говорила. Но мотивы его поведения были иными. Да и не мог он сказать, что так уж часто проводил больше времени с Сэмом. Ну один, ну два, ну три раза – в самом крайнем случае! – выбирались они куда-то вдвоем. Так ведь Элис действительно была часто на репетициях. И потом... С того самого происшествия в овраге, когда они спасали пса мадам Кюрю, у Томми было время хорошенько подумать. Особенно когда он с неделю провалялся в заточении собственной комнаты без возможности отвлечься на чтение. Как-то раньше, когда они вместе с Элис попадали в различные переделки и в итоге выходили сухими из воды, хоть и не всегда в буквальном смысле, он не задумывался, что это он ведет ее за собой или, как любила говорить ее мама, «втягивает». Что, например, упасть тогда со склона так сильно мог не он, а она. И когда Томми попытался представить эту ситуацию в таком свете, ему это совсем не понравилось. Одно дело – рисковать собственной беспокойной головой, и совсем иное – головой Элис...

– Не избегаю я вовсе, – он пихнул ногтем лежавшую на подоконнике кверху лапками муху, – напридумывала себе что-то.

– Ну хорошо, – упрямства Элис было тоже не занимать, – тогда в следующий раз я тоже хочу спуститься к устью и посмотреть как сходит лед.

– Да он сошел уже, наверное...

– Вот и проверим.

– Лучше давай лодку шкурить вместе. Нечего тебе в овраг лезть, – и тут же замолчал, осознав, что проболтался.

– И с каких это пор мне нечего лазать по оврагам? – Элис поставила руки на талию, не сводя проницательного взгляда с Томми. – Ты от моей мамы заразился что ли?

Томми издал тихое недовольное сопение и посмотрел за стекло, как на посеревший в сумерках песок накатывали темно-сиреневые в окантовке белой пены волны.

– Ну зачем тебе туда лезть, а? – парировал мальчик.

Элис смотрела непонимающе.

– Тогда зимой... – протянул он.

– Тогда зимой мы спасали пса мадам Кюрю! – перебила его Элис.

– Тогда зимой я подверг твою жизнь опасности.

От возмущения Элис даже опустила руки.

– Я пошла сама, это было мое решение! Или я не могу решать сама за себя? И что теперь, ты меня больше не будешь с собой звать лишь потому, что я девочка? А как же наша мечта об исследовании тропических лесов вместе с твоими родителями? Или теперь тоже – всё? Это слишком опасно для меня?

Элис буравила его взглядом. В полумраке хижины Томми видел легкий румянец, проступивший на ее щеках, и как призрачным ореолом выбились из ее косы завитки. Но теперь они почему-то не успокаивали его. Томми молчал. Ясных ответов на эти вопросы у него не было. Он так часто представлял, как они вместе будут продираться сквозь заросли диковинных трав и лиан, описывать доселе никем не виданных существ, жить в больших брезентовых палатках... Но все это было словно истории со страниц журналов Элис. Он никогда серьезно не размышлял об остальном – опасностях и трудностях полевой жизни, таких как, например, отсутствие врача на много миль окрест, ядовитых змеях и москитах, переносящих тропические лихорадки. А главное, о том, что их жертвой может стать не он, а его спутница.

Некоторое время Элис смотрела на него, а потом вдруг развернулась и ушла. А рядом с ним загрохотал крышкой закипающий чайник.

Элис и не заметила, как дошла домой, в ее ушах все еще грохотали собственные произнесенные, наконец, мысли и тревоги. А что, если все это действительно было лишь детской игрой? И то обещание, которое она дала ему два Рождества назад, и все эти истории в журналах? А на самом деле, он просто через пару-тройку лет сядет на корабль и уйдет открывать новые земли, миры, которые недоступны столь многим. А она останется. Ведь так он и пришел сюда, путешествуя.

Отворяя дверь коттеджика, Элис окинула взглядом прихожую, забыв, что мамы еще нет дома. Там царил влажная прохлада, просочившаяся с улицы, и девочка снова вышла, чтобы принести дров из сарайчика. Она затопила камин в комнате и печь на кухне, поставила разогреваться ужин, достала из деревянной украшенной резьбой хлебницы начатый бурый овальчик хлеба. Нарезав его, выложила подогреться прямо на металлическую поверхность плиты. За этими хозяйственными делами ей было легче успокоиться, чем если бы она сразу села за уроки. Пока грелась еда и протапливался дом, Элис расстегнула ремень и разложила книги и тетради на столе в гостиной. Она попыталась прочесть заданную главу по истории, но отвлеклась на каждом слове. Тогда раскрыла тетрадь по словесности и, негромко хлюпя носом, начала делать упражнение, тут же трижды неправильно написав одно и то же слово. Всегда такая аккуратная тетрадь покрылась зачеркиваниями. Элис задумчиво поджала губы, разглядывая незаконченную строку, и закрыла тетрадь. Потом подставила кулак под подбородок и устремила взгляд в окно.

Опасность... всю жизнь за нее волновалась мать, и теперь вдруг на единственного человека, кто не квохтал о том, какой ей следовало быть, нашло что-то. Неужели для девочки мир

состоит только из одних опасностей и неподобающего поведения? А как же все эти истории о том, как еще столетия назад женщины в одиночку отправлялись в путешествия? Она как-то читала об одной, которая переправлялась на каноэ по кишасей крокодилами реке и жила среди аборигенных племен, а другая в одиночку ходила по тропическому лесу, запечатлевая кистью и карандашами еще неоткрытые виды растений¹. Элис невольно улыбнулась, вспоминая свои летние рисунки, и решила, что как только весна полнее вступит в свои права, снова отправится с блокнотом и карандашом в лес или на холмы. Одна. Так-то вот! Как те исследовательницы. Их даже приглашали выступать в столице на собраниях Географического общества, куда в то время женщин вообще не принимали.

Кастрюля на плите была благополучно забыта, а хлеб из подогретого грозился стать сухариками. Элис все так же сидела, подперев кулаком подбородок и смотря сквозь пространство гостиной в иные места и времена, нежели предлагал стеклянный взгляд окна. Отчего она не может сама решать за себя? Разве она не может судить, как ей поступать? Или только другие знают, как для нее лучше? Вот та же Кэт, конечно, порой слишком импульсивна в действиях и поступает не всегда обдуманно, но знает, чего хочет. В ней столько уверенности. Но разве ей, Элис, всю жизнь не говорили, что старшие знают лучше, у них больше опыта... Но какого? Опыта той жизни, которой они всегда жили. А что касается иного? И мужчины, они тоже всегда знают лучше, выходит? Если уж вдруг Томми взялся решать, куда ей с ним идти, а куда нет! Вот ее мама столько лет ведет хозяйство сама по себе, и никто ей не говорит, куда ходить, а куда нет. Элис уронила голову на тетрадь.

– Элис, ты дома? – донесся из прихожей голос матери. – Чем это у нас пахнет?

Девочка ойкнула, тут же срываясь с места, и устремилась на кухню. Все-таки ужин спасти удалось, хотя часть картошки прижарилась намертво ко дну. И отскребать ее предстояло Элис. «Хочешь быть взрослой – будь таковой во всем...» – вздохнула она, берясь за щетку.

¹ Здесь имеются в виду две британские путешественницы XIX века: Мэри Кингсли и Марианна Норт. Мэри Кингсли в одиночку путешествовала по Западной Африке, исследуя жизнь местных племен, а также собрала образцы нескольких новых видов рыб. О своих путешествиях она писала книги и выступала в Королевском географическом обществе, в которое в то время женщины вступить не могли. Марианна Норт занималась ботанической иллюстрацией и с этой целью много лет самостоятельно путешествовала по миру, в том числе в труднодоступных тропических регионах. Она также обнаружила и зарисовала несколько новых видов растений, некоторые из которых затем получили ее имя.

Глава 3. Есть ли градация мечтаний?

Мадам Стерн прошлась вдоль ряда учениц. Сегодняшнее занятие прошло весьма продуктивно, по ее мнению, и подготовка к выступлению двигалась полным ходом. В этом году солировали три ученицы. Элис тихо надеялась, что теперь, когда в полном распоряжении ее мамы имеется неутомимая и неутомная Кэтрин Бэккет, ей самой удастся избежать сольной роли и этим сократить количество обязательных репетиций. Но не повезло... Отчего-то именно Весенний праздник мадам Стерн считала наиболее существенным для их танцевальной школы, и потому Кэт, Элис и еще одной девочке из младшей группы выпало танцевать сольные партии в общем выступлении. В этот раз Элис твердо решила, что после концерта, наконец, поговорит с мамой, чтобы та перенесла свою преподавательскую энергию на более благодарные объекты. Это было весьма серьезным шагом для девочки, и до праздника она не решалась.

– Как идет подготовка костюмов? – поинтересовалась мадам Стерн у облокотившихся устало на станок или даже сидевших на полу учениц.

В ответ послышались разной степени невнятности отклики, и только несколько девочек отозвались относительно воодушевленно.

– На следующую репетицию все приносим костюмы. Я хочу посмотреть, какова степень готовности. Не забывайте, что вы всегда можете обратиться ко мне, если что-то непонятно или не получается. Главное – не тяните до последнего. Очень важно, чтобы часть репетиций мы прошли уже в костюмах. Я хочу увидеть всю картину. Понятно? Ну хорошо, можете быть свободны. Всем доброго вечера!

Ученицы поднялись и сделали прощальное плие, положенное по этикету танцевального класса. Комнату сразу наполнил щебет девичьих голосов и шорох балеток. Большинство торопилось скорее переодеться и отправиться по домам. Только Элис сменяла танцевальный наряд неспешно, зная, что они с мамой все равно выйдут последними.

– Мы с мамой уже несколько вечеров подряд сидим за выкройками, – Кэт поспешно стянула с себя потное трико и влезла в майку на бретельках. – Я так переживаю из-за этого платья! Подумаешь, конечно, перед всем городком станцевать, – тараторила она Элис, – но все же... Но это же ужас какой-то это ваше шитье! Мама говорит, что я ее с ума сведу своим мельтешением...

Элис подняла глаза на подругу, осознавая, что впервые проникается сочувствием к миссис Бэккет.

– Ну что ты на меня так смотришь? – провозгласила протиснувшаяся в воротничок платья рыжая голова. – У тебя мама хорошо шьет! А мы обычно к портнихе ходили и разве что занавески подшивали. Мама умеет только какие-то глупости – цветочки на подушках... Кому вообще нужны вышитые подушки?

Элис пожала плечами, не зная, что на такое отвечать – подобные подушки были в любом местном доме.

– Я, в основном, сама делаю платье... Просто это переkreоенный костюм прошлого года, – призналась Элис.

– Ну вот!

– Слушай, Кэт, – Элис вынимала шпильки из пучка, высвобождая на волю косу, – а ты заходи к нам вместе с костюмом. Мы с мамой тебе поможем.

– Серьезно? – Кэт даже уронила тряпичную сумку, в которую упихивала балетки и юбку. – А можно прямо сегодня?

Иногда ее одержимость танцами даже слегка пугала Элис.

– Я не знаю насчет сегодня, надо спросить у мамы. Может, в другой день после школы?
– Ты забываешь, что когда у тебя нет тренировок, у меня-то есть, а иногда даже после вашей.

– В выходной?

– Твоя мама сказала не затягивать с этим. Пошли у нее сейчас и спросим? А? – Кэт оставила сумку валяться на полу и подхватила Элис под руку.

– Да, конечно, приноси, я посмотрю, – согласилась мадам Стерн. – Я совсем не против, чтобы вы с Элис вместе шили.

Наблюдая за мамой в этот момент, Элис видела, как у той буквально было написано на лице продолжение фразы о том, что вот это как раз подобающее занятие для молодой девушки, а не скакать с мальчишками по оврагам. Но делать было нечего, ведь она же сама предложила. Девочки оставили миссис Стерн закрывать студию, а сами отправились домой к Бэккетам забрать костюм Кэт. Элис решила прогуляться вместе с подругой.

Наблюдая бодро вышагивающую и чуть не подпрыгивающую от радости Кэт, Элис недоумевала, откуда в этом миниатюрном человечке столько энергии, это после тренировки и репетиции... По дороге они нагнали Мэгги Стивенсон, которая вышла немногим раньше с занятия. Им было по пути, ведь дорога на фермы проходила как раз мимо окраинных домов.

– Ой, вы сегодня вместе куда-то? – обрадовалась девочка, что ей не придется идти в одиночку.

– Идем посмотреть костюм Кэт, – пояснила Элис.

– А я так рада, что могу взять свой прошлогодний, – поведала Мэгги, – у меня совсем нет времени что-то сейчас шить. В булочной только и разговоров, что о подготовке к Празднику. Мне так хочется быть частью этого.

– Частью чего, пирога что ли? – хихикнула Кэт и получила еле заметный тычок локтем от Элис. Такт точно не был сильной стороной рыжей балерины. Кэт покосилась на подругу.

– Подготовки, конечно, – Мэгги то ли ничего не заметила, то ли притворилась.

– Томми тоже помогает? – поспешила сменить тему Элис.

– Ну он... больше ведь за прилавком. И, в основном, по воскресеньям. Бывает, что почти весь выходной только мы вдвоем. Я на кухне, он – в зале. Жаннет нас называет «юной сменой», – Мэгги заулыбалась. – Прямо так и говорит: «А завтра выходит наша юная смена».

Кэт закатила глаза, ей явно хотелось обсудить что-то более, по ее мнению, существенное, и слегка прибавила шаг.

– А твои родители не против, что ты столько времени в булочной? – Элис пошла рядом с Мэгги.

– Нет. Пока, по крайней мере, не против. У нас на ферме хватает рук.

– Почему пока?

Мэгги пожала плечами.

– Я не уверена, что они поняли, что пекарство – это именно то, что я хочу делать. А я пока не знаю, насколько способна в этом деле, – она говорила неспешно. – Вдруг Мари не возьмет меня потом на полный день...

– Ага, – обернулась Кэт, – или выдадут замуж за сына фермера! И будешь ему пироги печь.

Элис сверкнула взглядом на Кэт упреждающе и сказала Мэгги:

– Я уверена, что возьмет, если ты захочешь. Вообще я слышала от Томми, что Мари очень хорошо о тебе отзывается.

– Правда? – губы Мэгги дернулись в легкой улыбке.

Они приблизились к отвороту на дорогу из городка, и Мэгги попрощалась с девочками.

– Ты чего с ней так разговаривала? – догнала Элис Кэт.

– Как разговаривала? – искренне удивилась та.

- Ну что ты над ней подтруниваешь?
- Да ведь я с вами так говорю, вы же не обижаетесь.
- Просто мы тебя лучше знаем и уже привыкли, что ты болтаешь то, что в голову придет.
- И потом, она даже не поняла, – Кэт слегка насупилась.
- Все она поняла. И сравнения твои про пироги, и намек на отсутствие большого выбора.

Если тебе повезло больше...

– Мне повезло?! – Кэт резко остановилась прямо посреди лужи из размякшего снега. – Да я просто сражаюсь за свою мечту! Хоть зубами, хоть ногами!

– А она чем от тебя отличается? – возмутилась Элис. – Или что, есть какая-то градация мечтаний? Более или менее достойные?

Кэт опустила взгляд, сжала зубы и зашагала дальше.

– Нет, наверное... – пробурчала она.

Они молча обошли старенький забор и завернули в калитку.

– Я тут подожду, – Элис не хотелось заходить в дом.

– Чего это? – Кэт остановилась.

– Воздухом хочу подышать.

– Ну ладно – дыши, я быстро! – и умчалась в дом.

Элис встала около одной из старых яблонь, с которой Томми когда-то таскал плоды, и провела ладонью по кривому замшелому стволу. Листьев на дереве еще не было, а вот забавная шерстка из мха всю зеленела, не смущаясь ни холодных ветров, ни мокрого снега и дождя. Приблизившись к стволу почти вплотную, Элис рассматривала маленькие, прижатые к стебелькам листочки мха. Слово лес в миниатюре. А вот рядом, оказывается, другой совсем мох – Элис дернула бровями. А она раньше не замечала, что они разные. А чуть выше была сизоватая лепешечка лишайника. И вовсе не похожего на мхи. Вот так прямо на одном стволе целые джунгли! Пожалуй, и в холодные сезоны в природе есть что наблюдать. Тогда Элис решила обследовать и яблони у себя в саду, и дубы в леске у маяка и, возможно, сделать зарисовки. Оказывается, это можно было не откладывать до теплого времени.

– Эй, – раздалось у нее прямо в ухо, – что ты там углядела? – Кэт держала в руках объемный сверток и непонимающе разглядывала яблоню, но не видела на ней ни белок, ни даже жучков.

– Мох.

– Мох? – Кэт еще раз посмотрела на ствол и слегка сморщила нос. Потом потыкала пальцем в зеленый покров ствола. – Приятный на ощупь, и что там?

– Просто мох. Он красивый.

– А, – Кэт бросила сомневающийся взгляд на подругу, – ну пошли? Или хочешь еще посмотреть?

– Пошли, – усмехнулась Элис, решив, что не будет рассказывать свою идею о миниатюрных джунглях. На самом деле, кому ей бы хотелось поведать свое наблюдение, так это Томми. Но на него она все еще обижалась.

Когда девочки вышли за калитку, Элис обратила внимание на размеры кулика.

– Ну и мешок у тебя! Там рулон нераскроенной ткани что ли?

– Да нет, – Кэт прижала плотнее сверток, чтобы он не развалился, – я сразу все показать взяла. Там еще костюм, который мы купили зимой в столице. Его подогнать надо, я летом в нем на экзамены пойду. И две пары новых пуант. У меня же еще занятия на пуантах с твоей мамой. А их нужно правильно разбить, пятаку и ленты пришить...

Сама Элис на пуанты прочти не вставала. Ее мама предпочитала давать на занятиях технику, для которой было достаточно и балеток, не считая пуанты нужным для местных девочек, поскольку для них это просто дополнительные занятия, а не профессия. Но все-таки о том, что новые пуанты надо особым образом подгонять под ногу, размягчая молотком, Элис знала.

К приходу девочек миссис Стерн уже успела освободить и подготовить для работы с тканью большой стол в гостиной. А на маленьком круглом, застеленном ажурной салфеткой, накрыла чай. Причем в праздничном сервизе, что Элис сразу заметила, тихонько вздохнув. Не вечер, а мечта ее мамы – две лучшие ученицы пришли вместе шить платья к выступлению, элегантно попивая чай с бисквитным, не слишком сладким пирогом, пока работают иголками под мягкое потрескивание угольев в камине. Хоть открытку с них рисуй!

Вот до чего она дошла, а ведь могла бы сейчас шкурить лодку вместе с Томми. Он ее звал сегодня. Ну и ладно. Не все ли равно – занозы в пальцы сажать или иголкой в них промахиваться?

Войдя в гостиную, Кэт сделала легкое приветственное плие. За ее спиной Элис, не выдержав, закатила глаза, за что была удостоена укоризненного взгляда матери. А Кэт тем временем уже тараторила, раскладывая недокроенные и недошитые части нарядов, а вместе с ними и жесткие балетки с ярлычком из столичного магазина.

– Мам, может быть, мы вначале поужинаем? – спросила Элис.

Готовая заниматься вопросами танцев без пищи и сна, Кэт в возмущении вскинула взгляд, но мадам Стерн нашла предложение дочери разумным. Воспользовавшись этим предложением, Элис оставила их наедине за выкройками, а сама пошла на кухню завершать приготовление ужина, которое уже начала мама. Попутно она отрезала ломоть хлеба и сыра и, поставив кастрюлю с картошкой на огонь, уселась рядом, жуя бутерброд.

– Элис, ты к нам присоединишься? – спросила миссис Стерн, когда дочь собиралась прошмыгнуть к себе в комнату за последним выпуском журнала с приключенческими историями.

– Я в погреб за мясом и соленьями, – ответила она и поспешно скрылась.

Спрятав журнал под полотенце, Элис пронесла его с собой на кухню. Там она поскорее разделалась с обязанностями – нарезала мясо, разложила его на тарелки, высыпала в пиалы засоленные огурцы и капусту из кадушек, а затем ополоснула руки и села у печи, уперев стопы в невысокую табуреточку, и разложила на коленях журнал. Пока картошка поплеывала кипящей водой из-под крышки, Элис увлеченно читала, хрустя огурцом. И в потрескивании печи ей слышался неугомонный стрекот ночных джунглей, по которым она пробиралась вместе с героями рассказа, освещая путь единственным тусклым фонарем и выставив вперед мачете², чтобы прорубать дорогу сквозь комок шипастых лиан...

– Эй? – Девочка даже не заметила, как в кухню кто-то вошел. – Вот, оказывается, чем ты тут занимаешься! – весело провозгласила Кэт, заглядывая через плечо на страницу.

Элис смущенно закрыла журнал.

– Да ладно, дай посмотрю, что ты читаешь?

Протянув Кэт журнал, Элис поднялась проверить, как поживает доверенный ей картофель.

– Тоже мистические истории!

– Какие еще мистические? – обернулась Элис на листавшую журнал Кэт.

– Ну вот же: «Странный случай в тропических болотах, или Как мы встретили самую огромную змею на Земле», или «Обитатели ночи»... Ну это же прямо готические романы! А этот змей похитил девушку, да? А существа ночи – это, наверное, про вампиров?

– Да ну про каких вампиров? Мышей летучих! – Элис забрала журнал. – Это очень даже реалистические истории. Вот в этой они нашли такую обезьянку с огромными глазами, которая днем спит, как сова, а ночью ищет насекомых, и еще два вида летучих мышей. Там группа исследователей за ними охотилась и попадала в разные передраги. А это... ну да, немного

² Длинный и широкий нож, который в тропических странах использовали как сельскохозяйственное орудие (аналогично серпу), а также в джунглях для прорубания троп.

страшный рассказ, там на болотах была змея длиной больше, чем рост самого высокого мужчины...

– Ну какие же они реалистичные! – хмыкнула Кэт с улыбкой. – Где ты таких змей видела? И на кого она охотится, на медведей? А твои тропические змеи крыльями случайно не снабжены? У меня в книгах такие драконами называются.

– Просто у нас такая змея не обитает, – авторитетно сказала Элис, пряча журнал на полке за стопками тарелок. – Как там у вас с мамой? Можно уже на стол накрывать?

– А... Ну да, мадам Стерн мне показала, над чем работать, так что ты накрывай, а я пойду...

– Почему? – удивилась Элис. – Оставайся поужинать, а потом вместе пошьем, как собирались.

– Да мне мама сказала, чтобы ужинать я возвращалась домой. Это, по ее мнению, неприлично...

– И с каких пор тебя это волнует? – не удержалась от ремарки Элис.

– Да ну, она мне потом будет еще неделю нотации читать...

– А ты и тут поешь, и дома. Сама сказала, что у тебя растущий организм! – припомнила Элис.

Кэт посмотрела на нее с уважением во взгляде и расплывающейся по лицу улыбкой.

– А ты, я погляжу, не такая паинька, как кажешься!

– Ты только заметила? – усмехнулась Элис, снимая кастрюлю с плиты. – Поживи с моей мамой, еще не таким трюкам научишься. Бери вот те тарелки... Нет-нет, крайние, а то мой тайник разберешь!

Кэт рассмеялась и сняла с полки три тарелки с голубенькими цветочками на окантовке.

После ужина мадам Стерн оставила девочек вдвоем за рукодельем, а сама ушла заниматься домашними делами на кухню. Поскольку ей часто приходилось возвращаться поздно после занятий, она предпочитала часть ужинов или заготовок к ним делать заранее.

Элис тоже принесла свое платье. Прежде чем переходить к работе на машинке, все части нужно было сметать вручную, еще раз примерить и только после этого шить начисто. Да и то было много частей, которые все равно необходимо было делать руками – сложные детали, воротнички и кружева – все это пришивалось вручную.

Усевшись ближе к огню и разложив ткань на коленях, Элис взялась за иголку, но, подняв на мгновение глаза на подругу, чуть не прыснула от смеха. Вид у Кэт, сидевшей за столом вполоборота к Элис, был такой сосредоточенный, что казалось, над ее огненно-рыжим пучком, который она не распустила после танцев, взовется облачко дыма.

– Ты иголку решила взглядом подпалить? – поинтересовалась Элис.

– Так, ты меня отвлекаешь, – Кэт склонилась над работой, – я пытаюсь делать стежки одного размера, как мне мадам Стерн показала.

– Ну-ну, – усмехнулась Элис, вернувшись к работе.

Однако долго Кэт в молчании не продержалась. Когда дело пошло лучше, она спросила, все еще не отрывая взгляда от нитки:

– А что, это мне показалось, или вы сегодня с Томми были особо молчаливыми? На уроках даже не шушукались.

– Мы не шушукаемся на уроках, – возмутилась Элис и попала себе иглой в палец. Оттого насупилась сильнее и сунула палец в рот, чтобы приглушить боль.

– Ага, конечно. Мне-то с задней парты виднее. – Потом ехидно улыбнулась и, сделав выражение лица посерьезней, произнесла, словно пародируя пожилую даму: – Ну да ладно... милые бранятся – только тешатся!

– Ну я тебе! – вскинула голову Элис. Отблески камина играли на ее лице, озаряя лишь одну сторону и часть ореола кудряшек у лба и виска, маскируя выступивший на щеках румянец.

Довольная реакцией подруги, Кэт уже открыто рассмеялась.

– Ну раз ты так... – Элис уложила ладони на шитье, – скажи, а как у вас с Сэмом?

Тут же прекратив смеяться, Кэт с удивлением посмотрела на Элис. Та ответила ей не менее пристальным взглядом.

– Серьезно, ты же не можешь не замечать, что нравишься ему?

В ответ Кэт поерзала на стуле и подтянула под себя одну ногу, расправляя перед собой ткань.

– А он тебе?

– Ну конечно, он мне нравится, – выдала, наконец, Кэт. – Как он может мне не нравиться? Он замечательный друг, заботливый, слушать умеет. Не как твой Томми, кстати. Но только не так, как ты подумала, он мне нравится. Мы друзья с ним, хорошие друзья. У меня, может быть, никогда такого хорошего друга, как Сэм, не было... – и она принялась усиленно набирать стежки.

– Только ведь ты ему не только как друг нравишься... – тихо отозвалась Элис.

– Боже мой, Элис! – и тут же понизила голос, осознав, что такое восклицание может быть не совсем уместно. – Но он же слишком... ну не знаю... серьезный.

– Серьезный? – Элис снова опустила иглу. – Кто бы говорил о серьезности. Я никого другого не видела, кто бы так серьезно относился к танцам, как ты.

– Да я вообще о другом, Элис. Ну вот, например, если я его разок поцелую, он сразу решит, что пойду за него замуж и детей ему нарожаю. Так ведь тут у вас? А у меня иные планы на жизнь. Мне нужен тот, кто пойдет за мной, а не я за ним, или поможет мне следовать моей дорогой. Я не хочу идти за мужчиной, я хочу идти только за своей мечтой! – она посмотрела на Элис. – Это ты за своим Томми хоть медведю в пасть...

Элис опустила взгляд и снова взялась за шитье. В комнате повисла тишина, наполняемая лишь потрескиванием дров в очаге да негромкими звуками с кухни.

– Почему сразу за Томми? – спросила вдруг Элис после долгого молчания и нескольких десятков стежков. – Просто у нас общие интересы.

– Угу, – Кэт снова с самым что ни на есть сосредоточенным видом вертела скроенный рукав, – с чем я вас и поздравляю... – медленно произнесла она, увлеченная своим делом.

Элис повернула голову, наблюдая танец язычков пламени на почерневшем от его чечетки полешке. «Но ведь это правда, разве нет? – подумала она. – У нас с ним есть общий замысел... Да, мы читаем разные книги, но вместе это составляет единую картину. Так ведь?»

А потом, вдруг припомнив кое-что, искоса глянула из-под ресниц на подругу, продолжая шить, и как бы невзначай произнесла:

– Тогда, раз Сэм для тебя только хороший друг, ты бы, наверное, порадовалась, зная, что он еще кому-то из девочек нравится. Но только в том самом смысле.

Теперь уже Кэт всадила себе иглу в палец и недовольно поморщилась.

– Это кому это?

– Ну ты же сама сказала, что он замечательный. Думаешь, ты одна это видишь? А может быть, кто-то видит даже больше, чем это...

– Давай договаривай, о ком это ты? Не о себе же? Да нет, с тобой даже слепому все очевидно... А кто тогда?

– Я гипотетически...

– Ну да, так я и купилась! Гипотетически – это на уроках мадам Жерни. А тут не теорема, а факты!

– А что ты так переживаешь? Ты должна радоваться, если у друга все будет хорошо. Разве нет?

– Я и порадуюсь... как только узнаю, что это достойный объект, – Кэт приосанилась. – Я же не могу допустить, чтобы какая-нибудь непонятная девица ему глазки строила! А потом он ее еще в нашу компанию пригласит!

Вот теперь Элис смеялась от души.

– Да ну тебя! – хмыкнула Кэт насупленно, а потом тоже прыснула.

В дверях показалась миссис Стерн, уже освободившаяся от объятий фартука, в своем темном закрытом домашнем платье она вошла в гостиную и, окинув взглядом двух смеющихся девочек, поинтересовалась:

– Как ваши успехи? Я смотрю, вы неплохо проводите время.

Элис видела, как в строгих глазах миссис Стерн играет материнская улыбка.

Изучив результаты стараний Кэт, она дала ей еще несколько советов, а потом сказала, что остальное та может продолжить уже дома, чтобы не заставлять волноваться миссис Бэккет поздним возвращением, однако, если возникнут еще трудности или вопросы, пусть не стесняется принести и показать. Элис проводила Кэт до прихожей.

– Только ты это... – Кэт сунула ноги в ботинки, – с Томми своим же не будешь наш разговор обсуждать?

Элис помотала головой.

– Конечно, нет. Это наши, – она усмехнулась и дернула бровями, слегка напоминая сейчас мать, – женские разговоры.

Кэт хрюкнула и нырнула в пальто.

– Ну все, я пошла, – она подхватила кулек с платьями и пуантами. – До завтра!

Отворив дверь, Элис выпустила подругу и помахала ей вслед. Все-таки были такие разговоры, которые не станешь вести с мальчишками, и здорово, что для этого есть подруги.

Ветер никак не хотел уступать. Чередой гнал волны на берег, сбивая их загривки в белые барашки, а потом срывая и их, так, что они образовывали небольшой смещенный ореол над гребнями невысоких волн. Весной воздух кажется особенно влажным не столько от частых дождей, сколько от неспешного перемещения воды из твердого состояния в газообразное, в промежуточной фазе зависая где-то между небом и землей. А если живешь у моря, то к этому прибавляется еще соленая йодистая пена, вплетенная в бороду ветра.

Но настоящего морского волка таким не пронять, сколько ни пробирайся ветер под утлый навес! – полагал Томми. Намотав дополнительный оборот шарфа на шею, он продолжал работать. Ладно, если взяться и потихоньку планомерно делать, то и одному можно управиться, в конце концов, если уж у всех есть дела поважнее! За этот вечер Томми успел осмотреть днище и борта и начать зачистку старой краски. Работа шла небыстро, но это было не так уж страшно – до первой возможности выхода в море все равно еще далеко. Огорчало другое. Если они все такие занятые вдруг оказались, то с кем же он пойдет, собственно, в море? Чтобы управлять такой лодкой – и рулем, и парусом, желательно все-таки два человека. Хотя можно, наверное, попробовать приноровиться... Отойдя в сторону, Томми окинул взглядом судно. Потом обтер крошку с ладоней об штаны и отнес инструменты в домик. Конечно, еще не до конца стемнело, и даже тогда – можно и фонарь принести, но Томми решил, что на сегодня, пожалуй, достаточно. К тому же его желудок слишком усиленно намекал на это весь последний час. Подхватив ранец, на котором теперь красовалась тонкая загогулина, вычерченная ветками оврага, Томми зашагал вдоль пляжа в сторону дорожки в городок.

В сизых сумерках в небо под наклоном струился дым из печных труб. Коварный ветер так и стремился делать этим облачкам подсечку, как и морской пене, но те только уклонялись в сторону. Силе холодного воздуха было не победить легкости теплого, как и зиме не выиграть эту битву с весной. Сколько ни дуй, ни вей холодом, а снег рано или поздно растает, и через него ринутся к небу яркие цветочные головки и пучки свежей зеленой травы на радость выпущенной из хлевов скотине. Невольно Томми улыбнулся этим мыслям. Были такие вещи в жизни, что хочешь убыстрить, но они придут только в свое время, но и не отложишь те, что должны прийти...

Витрина Булочной на Краю Света горела приятным теплым светом, уже частично украшенная бумажными цветами, ромашками из эклеров и несколькими пухлыми пирогами, чьи купола усеивало разнообразие подрумянившихся выпеченных из теста листочков и цветов – Мари и Жаннет явно призывали приход весны прямо из-за окон пекарни! А под деревянной вывеской покачивался на ветру, будто бы попавший в шторм, подаренный мастером Краусом корабль³.

Томми толкнул дверь. Сидевшая за прилавком Жаннет нанизывала на нитку лоскутные бутоны. Увидев, что это не посетитель, а Томми, она только улыбнулась и весело поздоровалась, не вставая и не оставляя работы.

– Каким ветром? – поинтересовалась художница. – Ты же сегодня вроде не дежуришь? Разве тебе не положено запускать кораблики сейчас с друзьями где-нибудь в лесу?

– Ты за кого меня держишь? – усмехнулся мальчик. – У меня сейчас вот такой корабль, – и он развел потертые наждачкой и ветром ладони во всю ширь, – и запускать мы его будем только ближе к лету, и не в ручье, а в море. Что же касается... – он хотел добавить про друзей, но быстро остановился, – ветров, то я тебе расскажу только за два хороших куска пирога с грибами и картофелем, а лучше рыбой! И на меньшее я не согласен!

– А, что-то такое я и предполагала, – Жаннет отложила гирлянду на прилавок, где в коробочке стояла еще горстка таких бутончиков. – Голодным ветром тебя принесло. Пошли, только руки помой... Ой, – она ухватила мальчика за запястье и приподняла его ладонь, – а что это у тебя с ними?

– Сама же говоришь, – он забрал руку, – кораблики запускать. А их надо еще подготовить – ошкурить, просмолить и покрасить.

– Ладно. У Мари есть отличный крем, – художница прошла вслед за Томми на кухню. – Я когда растворителем для краски все пальцы заляпаю, помогает. Так что и тебе...

– Ну, да! Вот еще! – Томми сунул руки под струю воды, потом закрыл вентиль и стал тщательно намыливать. – А потом что? Платье или сразу балетную юбку, как у Элис и Кэт? – Снова зашумела вода.

– Ой! Посмотрите на него! Руки можно держать в нормальном состоянии вне зависимости от пола. А то вот возьмешь своей ежовой рукавицей Элис за руку, а она и сбежит!

Томми вскинул на нее взгляд.

– Да ну тебя... – он ухватил полотенце. – Пирога лучше дай, а то набросилась с порога...

Жаннет не стала спорить с голодным подростком, положила ему большой треугольник пирога с картофелем и грибами и налила чая.

– Ты точно просто голодный? – с некоторым подозрением глянула она на Томми, прежде чем вернуться к гирлянде. – Какой-то смурной...

– Ты вначале, напой, накорми, спать уложи, а потом расспрашивай, – отвечивал он, улетая пирог.

– Последнее – это к Мари, – и Жаннет вышла из кухни в ответ на призывно звякнувший колокольчик.

³ О появлении этого корабля рассказывается в книге «Трое с маяка, или Булочная на Краю Света».

Когда дверь за ней закрылась, Томми опустил пирог на тарелку и стал есть медленнее, угрюмо рассматривая тонкие завитки узора на блюде. Что он еще не любил, кроме как долго расстраиваться, так это находиться в разногласии или ссоре с кем-то более получаса. Ну и как тут было не расстроиться, когда Элис дулась на него со вчерашнего вечера, если не дольше?!

Дожевав пирог, Томми подхватил чашку с ароматным чаем – это были остатки зимней смеси, приготовленной Мари, – чай со специями, и вышел к Жаннет. Та как раз отпустила очередного покупателя, результатом чего было исчезновение одного из нарядных пирогов с главной витрины. И теперь снова сидела за гирляндой.

– Что, весь забрали? – Изменения не укрывались от мальчика.

– Да, и еще целую коробку эклеров собрала, – довольно поведала Жаннетт. – У кого-то из Томвудов завтра именины.

– Это фермеры с холма?

– Да, соседи Стивенсонов, – Жаннет приподняла почти законченную гирлянду, оглядывая ее.

– Откуда ты знаешь?

– Мэгги рассказывала что-то. Кажется, там много мальчишек. Они общаются. – Художница уложила петлями гирлянду обратно на прилавок, так что цветочный змей занял его почти целиком, и вернулась к нанизыванию цветов.

– Понятно, – Томми поставил чашку на свободный край и оперся локтем. – Тебе, может, помочь с чем-нибудь, раз уж я тут?

– Ну раз уж ты спросил, – Жаннет вскинула на него взгляд пронзительных и живых зеленых глаз. – Я буду очень рада, если сможешь мне развесить эту цветочную лозу, когда я ее закончу.

– Какая же это лоза, это же нитка с бутонами, я бы сказал прямо, сеть, – Томми приподнял часть ее на кончиках пальцев. – Только поймались туда не рыбы, а цветы.

– Когда мы подвесим ее под потолком, то нить не будет видна, – пояснила Жаннет, – и получится иллюзия, что бутоны витают в воздухе, понимаешь? А потом я еще листочки куда-нибудь добавлю. Но они пока не готовы.

– Да... – Томми окинул взглядом помещение пекарни. – Все в подготовке к Празднику... Пекут, украшают, танцуют...

– А ты что? – поинтересовалась художница, прилаживая предпоследний цветок.

– А я... Я готовлю «Фрегат» к спуску... – и он оперся спиной о прилавок, снова вспоминая их разговор с Элис.

– Послушай, Томми, – Жаннет легонько хлопнула его по плечу, заставляя мальчика обернуться, – что это ты вздумал строить из себя одинокого рыцаря? Это правда так ваш переходный возраст проявляется, или ты зимой в овраге слишком сильно приложился?

Томми удивленно вытаращился на художницу.

– Нет, я серьезно. Смурной какой-то ходишь, притом один вдруг. Случилось что? От родителей что-то тревожное пришло?

– Нет, наоборот... Написали, что собираются возвращаться, – Томми потупился, вспоминая, что о другой детали до сих пор никому не рассказал, кроме Элис. Как раз тогда зимой, когда они искали выход из оврага.

– Ну вот опять! – Жаннет указала на него раскрытой ладонью, подтверждая этим весомость своего предположения.

– Что опять? – Томми подхватил нить. – Давай уже развешивать! – он двинул в сторону локтем, разворачиваясь, и сразу же раздался тонкий дребезг. Так и застыв с цветами на ниточке в руках, Томми опустил взгляд. На полу лежала фарфоровая чашечка, расколовшаяся на три части. – Ну вот...

Жаннет обошла прилавок и тоже посмотрела на чашку, а потом улыбнулась.

– Это к счастью. Я-то теперь точно знаю, – и крепко сжала ладошкой плечо мальчика.

Они убрали осколки и занялись развешиванием гирлянды, закрепляя ее на потолке. Жаннет уже не первый раз проделывала такой фокус и имела подготовленные зацепки.

Стоя на табуретках, они опутывали булочную цветочной нитью, желая напомнить зиме, что пора уступить свой трон наследнице.

– А знаешь, Томми, – сказала Жаннет, приладив очередной загиб нити, – мне тут мысль в голову пришла...

– Для того она и голова – чертог мыслей! – усмехнулся мальчик, припомнив, что недавно слышал такое определение от мистера Вилькинса.

– Ой, умен не по годам, – покачала головой Жаннет. – Так вот: почему бы тебе тоже что-то не сделать к Празднику? Помнишь, два года назад ты рассказ о капитанах читал?

– А теперь что? Надеть цветы и сплясать?

– Точно у тебя странный возраст наступил – больно вреден! Не перебивай. – Жаннет спустилась с табуретки и переместила ее на новое место.

– Ну? – Томми протянул ей продолжение гирлянды.

– Ну а теперь у тебя есть своя лодка, а... корабль то есть, может, как-то задействовать его в празднике, раз уж ты все равно собираешься каждый вечер проводить в его компании? Посоветуйся со своей командой, а? – подмигнула ему Жаннет.

Томми неуверенно пожал плечами, держа в руках петли из гирлянды.

– Давай теперь туда! – Напоминая скульптуру какого-нибудь полководца, Жаннет вытянула руку, возвышаясь на табуретке и указав в противоположную часть зала.

Прижимая сверток крепче к себе, чтобы ненароком не уронить что-нибудь в лужу, Кэт добралась домой уже при свете озарявших неплотный сумрак фонарей. Она вбежала в гостиную полная воодушевления и желая незамедлительно продолжить работу над платьем и вовсе не над уроками.

– Привет! – заметив сидевшую у камина маму, воскликнула Кэт и сгрузила свою ношу на сундук.

Отложив вышивку на подлокотник кресла, миссис Бэккет поднялась навстречу дочери. На фоне сероватой льняной ткани вырисовывались головки лесных фиалок, листья пока были только намечены карандашом.

– Почему ты так поздно? – Она демонстративно глянула на часы, гордо возвышавшиеся на каминной полке и каждый час оглашавшие гостиную негромким звяканьем. В свое время мистер Бэккет хотел купить настенные часы с кукушкой, но миссис Бэккет настояла на более достойном, по ее мнению, варианте. – Осталась там на ужин? Я же тебе говорила, что это неприлично – напрашиваться...

– Не оставалась! – обернулась Кэт, припомнив совет подруги. – Давай ужинать!

– То есть ты в такой час еще не ела? – не трогаясь с места, спросила миссис Бэккет. – Они тебе даже ничего не предложили?

Но Кэт уже раскладывала вещи, высвобожденные из куляка, и, не задумываясь, отмахнулась:

– Все нормально, я поела.

– То есть как, я не понимаю, ты же сказала, что не ужинала? – возмутилась миссис Бэккет.

– Мама, ну ты уже определись, ты хочешь, чтобы я ужинала или не ужинала? Так тебе и скажу! – Развернув сметанное платье и приложив его к себе, Кэт подошла к зеркалу в дере-

вянной оправе с витушками и теперь то вставала на мысочки, то поднимала через согнутое колено ногу в сторону, а потом раскрывала.

– Говори как есть, – миссис Бэккет подошла к дочери.

– Они предложили, а я отказалась.

– Но ты поела?

– А потом они предложили еще раз, и я согласилась, – не отрывая взгляда от отражения, констатировала она. – Но твой ужин я все равно поем. Подходит такой ответ?

Одарив дочь возмущенным взглядом, миссис Бэккет прошла к раскрытой двери и выглянула в проем:

– Мистер Бэккет, вы слышите, как ваша дочь разговаривает? – Потом снова повернулась к Кэт: – Теперь миссис Стерн будет думать, что мы тебя дома не кормим.

– Папа! – взвыла Кэт на полдома. – Сделай что-нибудь!

На лестнице послышались шаги, и раздался голос мистера Бэккета:

– Дорогая, так где обещанный мясной рулет с подливкой?

Миссис Бэккет недовольно вздохнула и с возмущенным видом удалилась на кухню, а в гостиной появился мистер Бэккет, зевая.

– Новое платье? – поинтересовался он.

– Это костюм для моего сольного номера на Весеннем Празднике! – с серьезным видом произнесла Кэт, переглянувшись с отцом, и они оба расплылись в улыбках.

Утро выдалось дождливое. Небо затянуло густыми тучами столь плотно, что, казалось, своими серыми боками они того и гляди зацепятся за стрелку флюгера на маяке, да и прольют на него изрядную порцию влаги. Однако Мари упорно собиралась в булочную. Мистеру Вилькинсу сегодня было к третьему уроку, и он с удовольствием вызвался остаться дома с малышом до возвращения жены. Коротко пробарабанив в дверь комнаты Томми, Мари поспешила вниз.

– Возьми мой зонт, – предложил мистер Вилькинс супруге, – он шире твоего.

– Хорошо. – Мари наклонилась к малышу и, погладив его пальчиком по щеке, поцеловала, второй поцелуй достался мужу. – Проследи, пожалуйста, чтобы Томми встал. Не знаю, что у него сегодня первым уроком, но мне кажется, он решительно настроен проспать его.

– Не беспокойся, – кивнул мистер Вилькинс. – Зонт в прихожей на крючке.

– Спасибо! – Мари накинула на плечи платок и поспешила вниз.

Несмотря на воодушевляющий в своем обилии ливень, температура на улице поднялась немного, и Мари подхватила с крючка заранее вывешенный туда плащ вместо пальто и длинный черный зонт с загнутой на конце ручкой. Этот зонт приехал в Городок-вниз-по-холму вместе с мистером Вилькинсом и вопреки всем морским ветрам и ливням продолжал верно нести свою службу. Раскрыв на пороге широкий купол, Мари вышла под струи небесной влаги.

Дождь окончательно разрушал последние снежные приюты между деревьями, превращая лесную дорожку в невероятное месиво. К тому же почвы здесь были с примесью глины и от обильных осадков становились таковы, словно старательная хозяйка обдала их мыльной пеной из стирального корыта. Но Мари хорошо знала особенности леса вниз по холму и спускалась осторожно, балансируя объемным куполом зонта в руке. Она помнила, что ей случалось поскользнуться на этой дороге так, что это чуть не стоило жизни одному из любимых платьев. Дорога чвакала и жмакала под резиновыми сапогами, грозясь подловить столь раннего пешехода, пробирающегося в утреннем сумраке через лес. Когда в городке взялись за установку уличных фонарей, ненадолго встал вопрос, стоит ли поставить несколько на пути к маяку. Но

для этого потребовались бы дополнительные средства, а главное – расширение тропы и, возможно, вырубка нескольких деревьев, на что обитатели маяка единогласно выступили против, сказав, что у них есть ручные фонари и этого вполне достаточно. Известие, что дополнительных вложений не потребуется, чрезвычайно порадовало городской совет.

Пока Мари в одиночестве занималась утренними приготовлениями в булочной, мистер Вилькинс неспешно сварил себе еще чашечку кофе, сделал попытку разбудить Томми и сел готовить новые идеи для уроков. Он планировал предложить младшим классам занятие на природе, чтобы посмотреть ее подготовку к лету, а для старших хотел сделать экскурсию к обрушившемуся склону за городком, где обнажилась слоистость почв, надеясь, что на следующей неделе выдастся ясный и солнечный денек.

Углубившись в университетский учебник по почвоведению, он набрасывал в тетрадь описания и характеристики почв, когда осознал, что, кажется, одной попытки в побудке подопечного может быть недостаточно. Учитель поднял со стола круглые часы, которые, когда выходил из дома, цеплял на цепочке к кармашку брюк или жилета и, раскрыв крышку, с удивлением обнаружил, что через десять минут должен начаться первый урок.

– Вот это я зачитался! – поведаль он спящему Микаэлю и вышел из комнаты.

– Томми! – мистер Вилькинс постучал в дверь теперь настойчивее.

– Я же сказал, – раздался через несколько мгновений негромкий заспанный голос, – я уже почти встал.

Обычно мальчик поднимался сам, или его будила Мари, поэтому мистер Вилькинс не совсем понимал, как ему на такое реагировать. Он постучал еще раз и предупредил вежливо:

– Томми, я вхожу.

Его глазам предстала груда одеяла, благополучно скрывавшая целиком всего Томми.

– Как твой учитель, я должен заметить, что ты имеешь все шансы опоздать на первый урок.

– Как мой мучитель... – пробурчало одеяло голосом Томми. Он полночи дочитывал книгу, которую ему еще несколько недель назад дала Элис, и собирался сегодня использовать это как предлог, чтобы поговорить с девочкой. Но, как всегда, не учел иных последствий этого решения. И теперь сопротивлялся пробуждению каждой частичкой своего тела, особенно под убаюкивающую песню дождя.

– Ты вынуждаешь меня перейти к решительным мерам, – с улыбкой предупредил его мистер Вилькинс. – Неужели у тебя сегодня контрольная?

– Кто сказал? – Кончик одеяла приподнялся, и из-под него появился участок лохматой головы и один прищуренный глаз. – Не было такого!

– Тогда почему не встаешь?

Томми отчаянно зевнул и высунул из-под одеяла одну руку, потягиваясь, потом сел, все еще укрытый с головой, и покосился на окно.

– Я ж не амфибия, – кивнул он на исполованное небесными излияниями стекло, – это вот только лягушки от такого ливня радостно квакают. А я это, как его, теплокровное существо и намерен предотвращать потерю тепла тела с помощью этого одеяла, раз уж нет шерсти или перьев. Все, – и он снова плюхнулся на подушку, – у меня весенняя спячка.

Мистер Вилькинс спрятал в хорошо расчесанных рыжих усах улыбку.

– Новое слово в науке – весенняя спячка. Следует зафиксировать. Предлагаю измерить пульс, вес. Поведай-ка мне, ты его набирал заранее перед впадением в гибернацию?

Томми снова раскрыл глаза.

– То есть в спячку, – пояснил учитель незнакомое слово.

– Вы не дадите мне честно проспять первый урок, да? – несчастным голос спросил Томми.

– Увы, – покачал головой мистер Вилькинс.

Издав тоскливый стон, Томми скинул ноги с кровати и, еще раз недовольно глянув на учителя, отправился вниз умываться.

Впрочем, к началу первого урока Томми все-таки опоздал.

Вопреки предположению мистера Вилькинса, контрольных и даже диктантов у Томми в этот день не предвиделось. И все-таки он шлепал по лужам до школы в некотором волнении, старательно пряча ранец под плащ. Влетев в класс, Томми извинился за опоздание и поспешно приземлился рядом с Элис. Шло объяснение новой темы по истории, и возможности поговорить не было. Элис удостоила его лишь одним коротким приветственным кивком и даже никак не прокомментировала его опоздание. Это было уже как-то слишком! Что же теперь, надо целый день в школе пропустить, чтобы она обратила на него внимание? Или натворить что-то в духе забияк Праттов? Нет, те младшие, скажет, ребячество...

– Эй, – шепнул он в какой-то момент, когда учительница попросила их открыть учебники на определенной странице, – а я твою книгу вчера дочитал и принес ее.

– Хорошо, – коротко ответила девочка, шурша страницами.

Томми обиженно уткнулся в схему и промолчал до самой перемены.

– Так, все, Элис, – вырвалось из него прямо со звонком, – прекращай дуться! Это, в конце концов...

– Да? – обернулась на него девочка.

Томми замялся, подбирая слово.

– Некрасиво. Вот так вот дуться без объяснений и без существенной причины.

– Без причины?

– Да. Я же тебе все объяснил. И звал со мной корабль ремонтировать. И сегодня зову. У тебя ж нет сегодня танцев?

Элис молчала.

– Вот, – Томми достал из ранца книгу и протянул ее девочке. – Хочешь, обсудим ее сегодня?

Неспешно забрав книгу из его рук, Элис поковыряла пальцами уголок и, уткнувшись в нее взглядом, негромко поинтересовалась:

– Понравилось?

– Понравилось, – ответил Томми. На самом деле, он не мог сказать, что эта история столь же заинтересовала его, как морские. Но решил, что подробности можно обсудить позднее. – Вот сегодня полночи дочитывал, потому и опоздал. Ну что, пойдешь со мной после школы к «Фрегату»?

– Ладно, – кивнула Элис, поднимая на него серые с прожилками глаза.

Во второй половине дня дождь немного утих, но все еще накрапывал мелкой дробью по крыше школьного козырька. Они шли по мокрому песку в направлении угрюмо нахохлившегося, словно воробьиный сыч, домика на сваях. Напитанный дождями песок побурел, как передержанное в духовке печенье, и слегка похрустывал под сапогами, но идти по нему было даже легче, чем по сухому. Вдруг Томми остановился, поворачиваясь в сторону моря. Широкая распластанная, как медуза на песке, волна прокатилась по слегка наклонной поверхности пляжа и лизнула его сапог. Дождь беспрепятственно капал прямо на нос мальчику, и Томми пошевелил им, стряхивая каплю.

– Ты чего? – потянула его за рукав плаща Элис, сама прятаясь под нешироким зонтиком.

Не ответив, Томми смотрел в море, а потом резко обернулся, сузил глаза и произнес:

– Будет шторм...

Элис удивленно расширила глаза, не понимая, о чем это он. А Томми рассмеялся и бросился бежать по пляжу к хижине старого капитана, чьи слова он сейчас вспомнил.

– Догоняй! – прокричал он Элис.

Уже под навесом сбросив плащ, Томми утер ладонью лицо и взъерошил частично промокшие волосы.

– Хорошо все-таки, что мы навес соорудили, – заметил он.

– Точно... – Элис закрыла зонт и положила его под лодку. – А все-таки, что это на тебя нашло там на пляже?

Томми неопределенно дернул плечами.

– Да так. На море посмотреть захотелось. Интересно смотреть на воду, когда в нее идет дождь или снег. Вода с неба падает в воду на земле. Есть в этом что-то странное... Не находишь?

– Разве? Ведь это же круговорот воды в природе. Она потом испаряется и формирует эти тучи, из которых идет дождь или снег.

– Так-то оно так, – Томми оперся ладонью о лодку, – но это как будто небо соединяется с землей в это время. Ведь это все вода...

Элис задумалась, слегка поджав губы.

– А разве, – сказала она, наконец, – через воздух они не соединяются?

Томми почесал за ухом и уставился на девочку.

– Не... – свел он брови, – это разное. Одно дело вода, и совсем другое – воздух... – потом снова поскреб затылок, – ну нет... И вообще мне нравится на море смотреть.

– Это я знаю, – усмехнулась Элис. – Сколько лет уже на маяке живешь и не насмотришься.

– Понимаешь, это как с небом и водой. Вода все как будто соединяет, – Томми вскинул обе ладони, будто загребая ими что-то. – Вот я тут смотрю на море или, быть может, купаюсь или иду на лодке, а где-то там, – он махнул рукой, – по этому же самому, в сущности, морю, ну или по другому, но соединенному проливом, например, идет множество иных кораблей. А может, даже какие-то из них и парусные! И что за люди на них? Может быть, даже в этот самый момент, когда волна лижет мой сапог, где-то по морю идет корабль с моими родителями! И все это соединено одним соленым массивом воды. Понимаешь? – он даже слегка дернул головой, как бы подпихивая свою мысль вперед к Элис.

– Наверное... – Элис задумчиво наклонила голову набок. От влажности воздуха выбившиеся из прически завитки сильнее закурчавились, и кончик косы слегка загнулся полукольцами прядей. – Но ведь этого не достаточно. Ни тебе. Ни мне.

– Ты о чем?

– О твоих родителях, например. Ты же хочешь не только быть соединен с ними одним гигантским массивом соленой воды, но увидеть их, поговорить с ними, правильно?

Томми кивнул на такое, казалось бы, очевидное утверждение, пока не понимая, к чему ведет Элис.

– И уж мне этого и подавно будет недостаточно, – продолжала она, – если мы будем через океан и несколько морей. Ходить по берегу, смотреть на дождь и думать о соединительной силе воды. Сам-то как думаешь? Я хочу сама выбирать, какую мне жизнь прожить. Жизнь ожидания на берегу или самостоятельного путешествия. Увидеть мир через твои письма и рассказы или собственными глазами, обращая внимание на важные для меня и, может, не столь существенные для других детали. И если я делаю выбор, то понимаю, что вместе с этим иду на риски, которые он несет. Но я не хочу, чтобы этот выбор делали за меня. На том основании, что кто-то старше, а я младше, или что ты – мальчик, а я – девочка. Понимаешь ты?

Томми упер ладони в бока и выдохнул, склонив голову.

– Хорошо, – он снова поднял на нее взгляд, – хорошо, да, я понимаю. Но, а как должен себя чувствовать я и как должен поступать, если ты пострадаешь?

– Во-первых, почему я должна пострадать? А во-вторых, как себя должна чувствовать я, если пострадаешь ты?! Или тебе можно, а мне нет?

– Но ведь это я тебя в это втягиваю.

– Да ладно?! – с возмущением выдохнула Элис. – Единственный человек, кто так и может считать, так это моя мама. Но это поправимо, рано или поздно я смогу донести до нее свое решение и мечты. Но ты-то... – теперь уже Элис, не удержавшись, вскинула руки в его сторону, – ты-то должен знать лучше! И наши с тобой поиски пропавшего корабля, и «Фрегат», и Тайное общество капитана Нордваттера – мы же все это вместе затеяли, читали, ходили на лодке, корабле то есть.

– Но... – Томми опустил руки в карманы куртки и с некоторым сомнением смотрел на Элис, смущенный столь нехарактерным для нее напором. – В тропических лесах там еще эти... лихорадки всякие бывают, жутко кусачие муравьи – вообще не как у нас, я читал! Пауки, даже лягушки ядовитые...

– Ну и что? Родители твои как-то смогли же. Даже вон, – она невольно улыбнулась, – сестренкой для тебя там обзавелись... Значит, и мы сможем. – И тут же поправилась: – В тропических лесах ходить, я имела в виду!

К ее счастью, Томми не обратил внимания на эту оговорку и слегка вспыхнувшие щеки девочки, все еще осознавая предыдущую тираду.

– Ну да, наверное, ты права... – он поковырял пальцем борт лодки. – Просто после этого происшествия в овраге я долго думал...

– Это оттого, что слишком долго лежал потом в постели, – заметила Элис. – И уж если на то пошло, – добавила она серьезнее, – у меня тогда было больше оснований за тебя переживать. Выглядел ты...

– Ты-то себя тогда сама видела? – хмыкнул Томми, кивая. – Боевая раскраска аборигенов далеких малоизученных островов!

– Ладно, – махнула на него Элис, посмеиваясь, – давай, показывай свой план ремонтных работ.

Глава 4. Весенняя уборка

Распахнув окна настежь, Мари закрепила створки металлическими крючочками, чтобы ими не хлопал шаловливый ветер, впуская его в комнаты маяка как помощника в весенней уборке. На ее ранний подъем еще в утренних сумерках мистер Вилькинс заявил, что не готов приступить ни к каким задачам, пока не выпьет кофе, и благополучно снова уснул. Но Мари и не думала будить его. Первым местом боя с пылью и зимой была выбрана гостиная. Когда девушка выбивала диванные подушки, высунувшись прямо из окна над морем, окошко выше распахнулось шире, и из башни показалась заспанная и лохматая голова Томми. Мальчик зевнул и некоторое время наблюдал за отчаянной экзекуцией подушки.

– Мари, – крикнул он, пугая чаек, – а ты не отправишь ее в море?

От неожиданности рука девушки и дрогнула, и предсказание Томми чуть не сбылось. Мари повернулась и посмотрела вверх.

– Кто говорит под руку? – попеняла она ему, но не особо возмущенным голосом.

– Это физически невозможно! – прокричал в ответ Томми. – Я выше тебя сейчас! Могу сказать только «на руку»!

– Вот и славно, – усмехнулась Мари. – И, кстати, тебе уже пора собираться в булочную.

– Ага! – И голова мальчика снова скрылась в белом чреве башни.

Завтракал Томми предусмотрительно на кухне. Уже когда он допивал чай, туда спустился мистер Вилькинс в домашнем халате с зелеными отворотами, из-под которого виднелись полосатые штаны пижамы. Такие же аккуратные, как и его брюки, разве что без стрелочек. А рыжие усы и шевелюра уже была подготовлена к наступившему дню, возможно, чуть лучше, чем он сам. Первым делом учитель географии потянулся к кофейнику.

– Доброе утро, мистер Вилькинс! – провозгласил Томми тоном, не требующим сомнения в эпитете этого времени суток.

– И тебе, Томми, – мистер Вилькинс поправил кочергой угли в печи и водрузил кофейник между ними ближе к краю.

– Я бы советовал вам сегодня тоже позавтракать на кухне, – сказал ему Томми, относя посуду к раковине.

– Да, а что случилось? – поинтересовался учитель, укладывая на стоящую над углями решетку пару кусочков хлеба, чтобы подогреть их.

– Там буйствует дух весенней уборки, он вселился в Мари. И я бы на вашем месте поостерегся.

Мистер Вилькинс невольно улыбнулся лучиками в уголках глаз.

– Не думаю, что все так страшно.

– О! Если бы вы видели, что она сделала с диванной подушкой, вы бы так не говорили! – воскликнул Томми, оборачиваясь уже у самой двери. – Ну все, я пошел в булочную!

– Успешного дежурства! – махнул ему рукой мистер Вилькинс, все еще улыбаясь. Он-то понимал, что если у Томми была уважительная причина ускользнуть на полдня, то у него – нет. И после завтрака ему предстояло исполнить данное Мари обещание – лишить собственный кабинет столь притягательной для его обилия книг пыли. К счастью, уборка в библиотеке была коллективной задачей.

А еще – был фонарь. Помимо мытья окон, как ему рассказал Томми, они регулярно мыли линзы и стекла фонаря. Хотя сам маяк официально был выведен из эксплуатации, Томми и Мари тут сходились во мнении, что его надо держать в надлежащем виде.

– Это не такое простое дело, как кажется, – вещал на днях Томми, – важно выбрать пасмурный день, а то я как-то дырку на рубашке прожог и сам не заметил!

– Конечно, – кивнул учитель, – ведь в осветительном аппарате используются линзы.

– Так вы знали, что наш маяк жжется? – поразился Томми, полагая, что раз он живет здесь дольше, то должен и знать больше.

– Не только ваш маяк, и не только маяк. Это свойство линзы, она перенаправляет пучки света. Может собирать, может рассеивать, зависит от ее формы. В вашем случае она собирает рассеянный свет от фонаря в направленный пучок, чем усиливает дальность этого пучка. Даже маленькой линзой, например, лупой можно и огонь разжечь. А у вас крупный оптический прибор. Разумеется, с ним надо обращаться с осторожностью.

Об усилении луча света Томми, разумеется, уже читал в одной из книг о маяках, но почему-то совершенно не думал, что это может быть связано с его давнишним ожогом. Но теперь все встало на свои места. Тогда мистер Вилькинс пообещал объяснить ему подробнее законы оптики, и как работает маячная линза, хотя это был материал старших классов.

Томми пробежал через лес, несколько раз чуть не навернувшись на скользкой от недавних ливней тропинке, оставляя на ней неглубокие борозды от пяткок, и влетел в булочную. Задняя дверь, ведущая на кухню, уже была отперта, и помещение наполнял запах свежего хлеба.

– Привет, Мэгги! – Томми поспешно переобулся, чтобы не оставить по всей кухне буроватых глинистых отпечатков и, ополоснув руки, поспешил помочь девочке извлечь из печи первую партию пышущих разрумьянившимися боками хлебов. – Ты уже тут всю хозяйничаешь!

– Да вот только хлеб пока успела поставить и начала сладкое тесто замешивать, – смутилась девочка, выкладывая хлеба на поднос. – Томми, ты не пройдешься тряпочкой по полкам и прилавку в зале? Я как пришла, сразу выпечкой занялась – боялась не успеть.

– Конечно, – кивнул Томми. – Но ты слишком много беспокоишься – четверть часа роли здесь не играет.

– Но кто-то приходит за хлебом к самому открытию, – пояснила Мэгги, – мы же не можем заставлять их ждать.

Томми пожал плечами и отправился к прилавку, полагая, что отношение ко времени и очерченность его границ в таком маленьком городке несколько отличается от шумных быстрых крупных городов, чем его это место и привлекало. Малую стрелку циферблата он считал скорее общим указанием, а длинную и вовсе – украшением. К тому же с такими перфекционистами, как Мари, ему было сложно опоздать куда-либо, даже если бы он захотел. Мэгги же, видимо, решила перенять и эту особенность своей наставницы.

Войдя в помещение, отделенное высокой стеклянной витриной от озаряющегося первыми лучами мира, Томми добавил искусственной иллюминации и взялся за уборку. Мари просила особой внимательности к чистоте предметов, которые могли взаимодействовать с едой. «Вот что бывает, когда человек, желавший стать медиком, становится кулинаром» – размышлял Томми, протирая полочки, которые, он уверен, были протерты Жаннет вчера после закрытия.

Вскоре появилась Мэгги с подносом и застала отложившего тряпку Томми за написанием таблички.

– А это что? – она водрузила поднос на прилавок и склонилась к написанному. – Ой, у нас новая услуга?

– Кто-то сказал, что все новое – хорошо забытое старое, – с нарочито умным видом пояснил ей Томми. – Я тут решил возродить начатую мной традицию.

– А кто будет доставлять?

– Я же и буду! – гордо заявил мальчик. – Я так уже делал год назад примерно, до прошлого Рождества, ты тогда еще к нам не присоединилась.

– А... – протянула Мэгги, – но когда же ты успеешь?

– После школы. А еще часть до школы. Тогда же успевал. А сейчас и светает раньше, чем зимой, так что еще легче. Главное, чтобы заказы были.

– Слушай... – Мэгги прикусила слегка нижнюю губу, – а ты только по Городку относить будешь?

– Ну... – Томми призадумался, вспоминая прошлый год, – так-то да, здесь что относить – одна нога там, а другая уже снова тут! А что?

– Так я вот подумала – на самом деле, доставка куда нужнее на фермах, – пожала она плечами, обошла прилавок и стала выкладывать хлеб на полку.

– Так вы же вроде там у себя сами хлеб и пироги печете. К нам заходят с ферм, но куда реже, чем городские.

– Так оно почему? Мы там у себя, разумеется, печем. Как же без этого – мы же все далеко друг от друга и от городка. Хлеб, пироги, да. А вот таких десертов, как здесь, таких булочек и эклеров... Но не у всех бывает возможность регулярно в Городок заходить. Если только кто по делам – в продуктовую лавку Хиггинса или на почту. Так заодно и к вам. Или дети, когда из школы идут. А вот если бы можно было что-то купить и получить прямо домой!

Томми оперся о прилавок, постукивая по полу ногой, словно растревоженный кот хвостом.

– Вообще ты дело говоришь. Только это будет дольше по времени...

– А ты распредели фермы по направлениям и отдаленности. Ну, например, по вторникам ты доставляешь от Смитов до О'Брайнов, а по четвергам от Эмирсонов до Нордвудов. А в какие-то дни только по городу. Я могу закинуть слух.

Поставив руки в боки, Томми окинул Мэгги удивленным взглядом:

– Я-то полагал, ты у нас только по выпечке, а оказывается! Ну с тобой Мари не прогадала. Мэгги окончательно смутилась от его похвалы.

– Я могу тебе схему соседских ферм нарисовать, если нужно, – пробормотала она и поспешила положить на полку хлеб. – У меня там тесто... – и с этими словами скрылась на кухне.

Томми же хорошенько призадумался над ее предложением. С одной стороны – доставлять по холмам – значительно затратнее по времени, а значит – меньше возможности работать над лодкой. Но с другой – больше заказов, а значит, он скорее соберет денег на краску. К тому же, если и впрямь это многим там нужно... И потом, он может взять фермы в те дни, когда Элис допоздна репетирует. А в свободные дни они будут работать вместе, да и Сэм обещал приходить раза три в неделю. Только Кэт, похоже, с головой ушла в танцы, что и косичек не видать. Решено! Нужно выбрать дни, когда они все могут, а в другие заняться доставкой. Томми даже хлопнул ладонью по прилавку, припечатывая решение. На это дверь кухни приоткрылась, и высунулось взволнованное личико Мэгги.

– У тебя что-то упало?

– Ага, яблоко!

– Какое еще яблоко? – удивилась Мэгги.

– А не помнишь, нам как-то мадам Жерни рассказывала, что одному ученому яблоко на голову упало, и он вывел новую формулу или закон какой-то?

Мэгги неуверенно покачала головой.

– Не важно! – махнул рукой Томми. – Спасибо тебе за идею!

– Пожалуйста! – И она снова вернулась в объятия аромата корицы и жженого сахара.

Установленная на прилавке табличка принесла плоды в первый же день. Две пожилых дамы, заглянувшие в пекарню за любимыми воскресными витушками с изюмом, которые Мари уже вполне доверяла Мэгги, обрадовались, узнав, что Томми снова собирается заняться доставкой. Оказалось, что у одной из них на следующей неделе юбилей, и она хотела бы сделать большой заказ на торт и различные пирожные к столу, и это очень кстати, что их смогут доставить. Помимо этого Томми знал еще несколько жителей городка, которые любили получать свежую выпечку по утрам прямо к столу, а этим можно было заняться до школы. Ко времени прихода Жаннет у Томми в голове уже созрел целый план, и теперь он, прибегнув к помощи Мэгги, набрасывал расписание.

– Чем это вы тут вдвоем заняты? – поинтересовалась художница прямо с порога.

– Мы делаем для Томми расписание и план доставок, – недолго думая, ответила девочка.

– А кто-то еще, кроме вас, об этом в курсе? – усмехнулась Жаннет и, подойдя, заглянула в их листок. – Мари, например?

– Мари сегодня не до этого, – закатил глаза Томми, – я уж и боюсь домой идти...

– Что-то случилось? – обеспокоилась Мэгги.

– Ага, катастрофа общемаякового масштаба – Большая весенняя уборка называется!

– А... – Мэгги неуверенно улыбнулась. Она не всегда понимала, как относиться к его шуткам, и вообще, насколько серьезно воспринимать слова коллеги. Частенько бывало, что Томми говорил эмоционально и уверенно весьма странные вещи, а потом Жаннет поясняла, видя встревоженный взгляд Мэгги, что это он так шутит.

– О да, – Жаннет кивнула с пониманием, – я от нашей большой уборки отойти не могу. Кристи решила, что мы переезжаем, когда дома были вытряхнуты все сундуки и шкафы, и подняла такой рев. Но это поначалу. А потом, когда осознала, что все в порядке, затеяла игру исследования всех вещей, что я думала, мы и за неделю не управимся! В одном сундуке мы все-таки нашли моль и гонялись за ней по всему дому... В общем, – она закатила глаза и отправилась на кухню.

– У вас тоже, да? – повернулся Томми к Мэгги.

– Ну да, перебор вещей, уборка, – пожалала та плечами, не понимая, почему надо из этого такую историю делать.

– Фух, ладно, – Томми сложил листочек и сунул его в карман, – пойду сдам пост Жаннет, а сам поступлю в распоряжение маршала наведения чистоты... Пригляди пока тут, хорошо?

Мэгги кивнула.

– Жаннет? – Томми вошел на кухню.

– Ну? Вроде сегодня была ею... – та уже успела переобуться и сменить верхнюю одежду на фартук.

– Ты же сегодня будешь у прилавка?

– Как пойдет.

– Я там табличку поставил, что у нас снова работает доставка. Если вдруг будут спрашивать...

– Скажу, запишу заказы, – кивнула художница, – не волнуйся! Топай домой. Тебя наверняка там уже заждались, – и она расплылась в веселой улыбке.

Томми одарил ее укоризненным взглядом, подхватил куртку и, запрыгнув в сапоги, скрылся через кухонный выход.

Уже на подходе к маяку, Томми понял, что, вопреки его надеждам, уборка еще в самом разгаре. Практически все окна были распахнуты и даже дверь. На пороге появилась Мари в длинном фартуке, белом платке, прячущем волосы, и метлой принялась рассеивать в морской воздух прах уходящей зимы. При приближении Томми, она остановилась, отводя древко в сторону и наблюдая, как тот заканчивает подъем.

– Ты вовремя, – сообщила Мари весело. Казалось, что количество дел лишь прибавляло ей энергии. – Как раз пришло время мыть лестницу.

– Мне еще комнату убирать...

– Я там подмела уже.

Томми в ужасе распахнул глаза.

– Я не трогала твои вещи, – успокоила его Мари, – сам разбирай свой завал. Просто подмела.

Томми с облегчением выдохнул.

– А линзу еще не мыли? – он на всякий случай вскинул взгляд на затянутое пушистыми облаками небо.

Мари покачала головой.

– Это вы с Джоном сами.

Томми попытался нырнуть в прихожую, но тут же был остановлен.

– Мыть сапоги, – кивнула Мари на его ноги.

Издав недовольное мычание, Томми потопал к колодцу, откуда шла вода на нижний этаж маяка, там же можно было просто набрать воды. Что они и делали, если труба ломалась. Вылив целое ведро себе на сапоги, Томми двинулся обратно, и только после того, как обтер их о тряпку, был допущен внутрь.

Облачившись в рабочие куртки и брюки, Томми и мистер Вилькинс вышли на верхнюю площадку маяка. На самом деле подходящей одежды у мистера Вилькинса не было. Но специально для этого случая Мари нашла ему что-то из запасов домика при маяке. Еще со времени поселения здесь Мари и Жаннет домик полностью ни разу не разбирали, и, казалось, там можно было обнаружить все что угодно. Узрев всегда безупречно выглядящего учителя географии в потертых штанах с пятнами краски и с заплатками на коленях, а также в невнятного цвета жакете, не менее старом и потертом, Томми покатился со смеху. Вооруженный шваброй, тряпкой и ведерком, мистер Вилькинс пожал плечами:

– Ты еще не видел, какой вид приобретает даже самый достопочтенный человек после месяца в экспедиции! – спокойно заметил тот.

Но Томми ему не поверил, полагая, что, даже продираясь по колено в воде по тропическим болотам, мистер Вилькинс должен был сохранять вычищенные ботинки и отглаженные брюки.

– Ну что ж, – тем временем объект веселья Томми поставил ведро и швабру и оглядывал закрытый стеклянной рамкой осветительный прибор, – приступим, пока не стемнело?

К счастью, было не только пасмурно, но еще и не слишком ветрено. Они открыли закрепленные на металлической раме линзы, которые напоминали множество нарезанных бубликов с заостренными краями, а центральная часть каждой панели паялась на них ступенчатым рыбьим глазом. Плохенькая одежда из грубой ткани была выбрана не столько для защиты от грязи во время уборки открытой площадки, сколько ради безопасности, ограждая от ожога. На руки они так же надели садовые перчатки. Решено было начать именно с линз, чтобы использовать для них наиболее чистую воду.

– Чего в жизни только не попробуешь! – восхищался мистер Вилькинс, тщательно протирая каждую грань. – Однако впервые мне приходится мыть оптический аппарат маяка.

Томми улыбнулся. Казалось бы – нудная вещь – уборка, особенно генеральная, а вот человек находит в этой деятельности что-то интересное, даже восхищающее. Впрочем, здесь

Томми был склонен согласиться. Он не забывал, как ему повезло поселиться на самом настоящем маяке. Старался вспоминать об этом каждое утро, разлепляя глаза под крики пролетающих за окном чаек, и каждую ночь, отходя ко сну под шуршание волн где-то внизу у обрыва, над которым возвышался его дом-башня. Проведя по очередной зеркально-призмной дуге, Томми закрыл последнюю створку.

– Ну вот, в этот раз обошлось. А может, нам вечером зажечь его, а? Светиться будет ярче – готов поспорить! Вон вода какая в ведре грязная...

– И в городке решат, что опять кто-то потерялся, – заключил мистер Вилькинс, выжимая тряпку.

– Мы ж не только по такому поводу его зажигаем. – Томми ухватил швабру и принялся натирать пол, избавляя его от регулярно оставляемой пернатыми побелки. – На праздники, на другие знаменательные события... И разве нам всегда нужен повод, чтобы зажечь свет? – Он замер на мгновение, опираясь на древко швабры и вскидывая взгляд в сторону горизонта.

– Возможно, и нет. – Мистер Вилькинс тоже смотрел вдаль, положив ладонь на перила. – Славное тут место, – добавил он вдруг.

– Ха, я тоже так считаю! – обернулся на него Томми. – Потому и поселился здесь!

– Сперва дом выбирает нас, затем мы – дом. Хотя, не удивлюсь, если окажется, что такое место, как наш маяк, обладает некой волей относительно своих обитателей. – Он постучал костяшками пальцев по перилам, все еще что-то обдумывая. Много лет назад он был уверен, что случайно выбрал этот городок, увидев объявление среди бумаг своего коллеги и друга по университету, которому в тот год выпало разбирать прошения от провинциальных школ отдаленных городков и деревень. «А, – заметил тот заинтересованный взгляд друга, – перешлю в какой-нибудь женский колледж, пусть отправят выпускницу», – и уже хотел отложить в общую стопку, но Джон Вилькинс попросил посмотреть повнимательнее. Что-то в этом запросе привлекло заскучавшего в столице ученого со стажем. Уже год как мистер Вилькинс подумывал о преподавательской карьере. Во время экспедиций ему случалось помогать в школах столь маленьких деревушек, о которых его коллега и не слыхивал даже. А тут в его собственной стране были школы, нуждающиеся в учителях, и были дети, чьи умы жаждали знаний, но большинство хороших специалистов не стремились тратить свои годы в далеком провинциальном городишке. «А знаешь, не нужно это никуда отправлять. Что-то мне подсказывает, что данное послание уже нашло своего адресата», – сказал удивленному другу сделавший недавно блестящий доклад на заседании Географического общества Джон Вилькинс.

Мистер Вилькинс слегка шевельнул усами в улыбке. Знал ли он тогда, что в этом городке найдет семейное счастье, о котором и не помышлял, а ко всему прочему еще и поселится на маяке и будет по весне протирать линзы?

– Давай-ка завершать тут, – кивнул он Томми, – а то мы до ночи с этим проектом моей деятельной супруги не управимся.

– А я вас сегодня с утра предупреждал! – со знанием дела заметил Томми, перехватывая поудобнее швабру.

Ужин Мари накрыла в гостиной. Томми понятия не имел, откуда у нее взялись силы и на большую уборку, и на повседневные домашние обязанности. Сам он вряд ли стал бы затевать столь масштабные работы по дому. Однако теперь, когда они были завершены, все пространство словно задышало от этого перетряхивания. И хотя ничего нового как будто не появилось, чувствовалось обновление. Листья, опавшие с деревьев, ведь тоже никуда не исчезают. Они

постепенно перерабатываются различными организмами в почву в переплетении корней тех же деревьев, и из нее деревья впитывают вещества, чтобы весной вырастить молодые листья. И хотя ничего на самом деле не исчезает и не привносится, это воспринимается как обновление.

На стол Мари выставила красивые с голубым узором по краю тарелки. Томми помогал расставлять приборы, а мистер Вилькинс – приносил еду с кухни. Большое блюдо с запеченными в сметане овощами, покрытыми корочкой подрумянившегося сыра, заняло подобающее место в центре стола, подле него расположились куриные котлеты и небольшой кувшинчик с подливкой, тонкие ломтики свежего хлеба и мисочка с порубленной зеленью, которую Мари вырастила на подоконнике.

– Спасибо и приятного аппетита! – Томми не успел даже приземлиться на стул, как принялся накладывать еду. – Всё, простите, не могу больше ждать – умираю от голода.

Утвердив на столе кувшин с морсом, мистер Вилькинс тоже сел. Мари поставила корзину с малышом на кресло и присоединилась к остальным. Пока Томми и мистер Вилькинс заканчивали накрывать на стол, она покормила сына, но не стала оставлять его в спальне, поскольку тот отказывался засыпать. Микаэль упорно дергал ножками в корзине, всеми силами желая показать решимость не заснуть. А вот Мари тихонько прикрыла рот тыльной стороной ладони, скрывая зевок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.